

Страшные Соломоновы острова

Автор:

[Джек Лондон](#)

Страшные Соломоновы острова

Джек Лондон

Эксклюзивная классика (АСТ)

В эту книгу вошли три авторских сборника Джека Лондона – «Рассказы рыбачьего патруля», носящие автобиографический характер, «Рассказы Южных морей», посвященные еще относительно слабо затронутым западной цивилизацией в начале XX века Гавайям, и «Сын Солнца», посвященный похождениям одного из любимых персонажей автора – благородного авантюриста Дэвида Грифа.

Браконьеры и пираты, ловкие китайцы и имеющие сложные и неоднозначные отношения с законом греки, хитрые контрабандисты и циничные аферисты всех мастей, ловцы жемчуга и наивно-хитроватые туземцы-канаки, смуглые красавицы островитянки и стальные белые мужчины с револьверами на поясе, с легкостью пускающие их в ход, но прежде всего – приключения, приключения и еще раз приключения, смертельно опасные и остроумно смешные, но неизменно увлекательные.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Джек Лондон

Страшные Соломоновы острова

Серия «Эксклюзивная классика»

© Перевод. Э. Березина, наследники, 2022

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2022

© Перевод. Р. Гальперина, наследники, 2022

© Перевод. Н. Емельяникова, наследники, 2022

© Перевод. В. Курелла, наследники, 2022

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2022

© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2022

© Перевод. Е. Шишмарева, наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Рассказы рыбачьего патруля

Белые и желтые

Залив Сан-Франциско так огромен, что штормы, которые на нем свирепствуют, для океанского судна подчас страшнее, чем самая яростная непогода на океане. Какой только рыбы нет в этом заливе, и какие только рыбачьи суденышки с командой из лихих удальцов на борту не бороздят его воды! Существует много

разумных законов, призванных оберегать рыбу от этого пестрого сброда, и специальный рыбачий патруль следит, чтобы законы эти неукоснительно соблюдались. Бурная и переменчивая судьба выпала на долю патрульных: часто терпят они поражение и отступают, не досчитавшись кого-нибудь из своих, но еще чаще возвращаются с победой, уложив браконьера на месте преступления – там, где он незаконно закинул свои сети.

Самыми отчаянными среди рыбаков были, пожалуй, китайские ловцы креветок. Креветки обычно ползают по дну моря несметными полчищами, но, добравшись до пресной воды, сразу поворачивают назад. Китайцы, пользуясь промежутками между приливом и отливом, забрасывают на дно ставной кошельковый невод, креветки заползают в него, а оттуда попадают прямехонько в котел с кипящей водой. Собственно говоря, ничего плохого в этом нет, да вот беда: ячейки у сетей до того мелкие, что даже крошечные, длиной меньше четверти дюйма, едва вылупившиеся мальки и те не могут сквозь них пролезть. К чудесным берегам мыса Педро и мыса Пабло, где стоят поселки китайских рыбаков, просто невозможно было подступиться: там грудями валялась гниющая рыба, и воздух был отравлен ее зловонием. Против такого бессмысленного истребления рыбы и призван был бороться рыбачий патруль.

Мне было шестнадцать лет, я отлично умел управлять парусным судном и знал залив как свои пять пальцев, когда мой шлюп «Северный олень» зафрахтовала рыболовная компания и я должен был временно стать одним из помощников патрульных. Немало повозившись в Верхней бухте и впадающих в нее реках с греческими рыбаками, которые, чуть что, пускают в ход ножи и дают себя арестовать только под дулом револьвера, мы были рады отправиться в Нижнюю бухту на усмирение бесчинствующих ловцов креветок.

Нас было шестеро на двух судах, и, чтобы не вызвать подозрений, мы вышли с вечера и бросили якорь под прикрытием крутого берега мыса Пиноль. Едва на востоке забрезжил рассвет, мы снялись с якоря и, взяв круто к береговому бризу, пересекли залив, держа на мыс Педро. Вокруг не было видно ни зги, над самой водой стлался холодный утренний туман, и мы, чтобы не продрогнуть вконец, пили горячий кофе. Кроме того, нам приходилось заниматься пренеприятным делом – вычерпывать воду, так как «Северный олень» по непонятной причине дал порядочную течь. Мы провозились чуть ли не всю ночь, перетаскивая балласт и осматривая пазы, но, сколько ни бились, ничего не нашли. А вода все прибывала, и мы волей-неволей принялись ее вычерпывать, согнувшись в три погибели в тесном кокпите.

Напившись кофе, трое из нас перешли на другой парусник с реки Колумбия – на нем раньше ловили лососей, – а трое остались на «Северном олене». Оба судна шли борт о борт, пока из-за горизонта не показалось солнце. Его горячие лучи разогнали непроглядный туман, и перед нашими глазами, словно на картине, предстала целая флотилия китайских джонок, растянувшаяся широким полукругом, между концами которого насчитывалось добрых три мили, причем каждая джонка была пришвартована к буйку ставного невода. Но на джонках – ни души, ни малейших признаков жизни.

Мы сразу смекнули, в чем дело. Дожидаясь отлива, когда будет легче поднять со дна тяжелые сети, китайцы улеглись спать в своих джонках. Это было нам на руку, и мы живо разработали план нападения.

– Пусть каждый из твоих ребят прыгнет в джонку, – шепнул мне Ле Грант с речного парусника. – А к третьей джонке пришвартуйся ты сам. Мы поступим точно так же, и провалиться мне на этом месте, если мы не захватим по крайней мере шесть джонок.

Мы разделились. Я положил судно на другой галс, обогнул одну из джонок с подветренного борта, взял грот к ветру и, теряя скорость, прошел мимо кормы джонки, почти вплотную к ней и притом так медленно, что один из патрульных без труда спрыгнул в нее. Тогда я отвел судно в сторону, забрал ветер и направил шлюп к соседней джонке.

До сих пор все было тихо, но вот на первой джонке, захваченной парусником с реки Колумбия, поднялся шум. Кто-то пронзительно закричал, грянул пистолетный выстрел, потом снова послышался крик.

– Все пропало! Это они предупреждают своих, – сказал Джордж, стоявший рядом со мной в кокпите.

Мы были уже в самой гуще джонок, где тревога распространялась с непостижимой быстротой. На палубы выскакивали сонные полуголые китайцы. Над тихой водой пронеслись предостерегающие крики и проклятия, кто-то громко затрубил в раковину. Я видел, как справа от нас главный на джонке обрубил топором швартовы и бросился помогать команде ставить огромный диковинный парус. Но слева, на другой джонке, китайцы еще только высовывали головы наружу, и я, повернув шлюп, подошел к ней так, чтобы Джордж мог

спрыгнуть на палубу.

Теперь уже все джонки обратились в бегство. Кроме парусов, они пустили в ход длинные весла и рассыпались по всему заливу. Я остался один на «Северном олене» и стал лихорадочно высматривать добычу. Первая моя попытка оказалась очень неудачной, потому что китайцы выбрали шкоты, и джонка быстро оставила меня за кормой. При этом она встала к ветру на целых полрумба круче, чем «Северный олень», так что я невольно почувствовал уважение к суденышку, которое казалось мне таким неуклюжим. Махнув на нее рукой, я переменял галс, вытравил грота-шкот и пошел фордевинд прямо на джонки, которые были у меня с подветренного борта, чтобы использовать таким образом свое преимущество.

Джонка, на которую я нацелился, беспорядочно заметалась, но, когда я описал плавную дугу, чтобы взять ее на бордаж, избежав резкого столкновения, она вдруг переменяла галс и, забрав ветер, ринулась прочь, а хитрые азиаты, налегая на весла, подбадривали себя дружными криками. Однако я был готов к этому маневру: не теряя ни секунды, я привел шлюп к ветру, положил руль на наветренный борт и навалился на румпель всем телом, на ходу выбирая обеими руками грота-шкот, чтобы по возможности ослабить удар. Два весла с правого борта джонки переломились, и наши суда столкнулись с громким треском. Бушприт «Северного оленя», словно гигантская рука, протянувшись вперед, сорвал с джонки неуклюжую мачту вместе с пузатым парусом.

На джонке раздался яростный вопль, от которого кровь застыла у меня в жилах. Здоровенный китаец, чья голова была повязана желтым шелковым платком, а злобное лицо усеяно оспинами, уперся багром в нос моего шлюпа, чтобы оттолкнуться от него. Я отдал кливер-фал и, выждав, пока «Северного оленя» отнесло немного назад, спрыгнул на джонку с концом в руках и пришвартовался к ней. Щербатый китаец с желтым платком на голове угрожающе шагнул ко мне, но я сунул руку в карман брюк, и он остановился в нерешительности. Оружия у меня не было, но китайцы, наученные горьким опытом, опасаются этого кармана, и я надеялся таким образом удержать самого главаря и его отчаянных людей на почтительном расстоянии.

Я приказал ему отдать носовой якорь, на что он ответил: «Моя не понимает». То же самое твердили все остальные, и хотя я объяснил им знаками, что нужно сделать, они упорно отказывались меня понимать. Видя, что пререкаться бесполезно, я сам пошел на нос, размотал канат и отдал якорь.

– Вот вы, четверо, марш на шлюп! – крикнул я и объяснил на пальцах, что четверо должны последовать за мной, а пятый останется на джонке. Желтый Платок колебался, но я повторил приказ свирепым тоном (хотя на самом деле не так уж сильно и рассвирепел) и снова сунул руку в карман. Желтый Платок струхнул и, бросая на меня злобные взгляды, повел трех своих людей на борт «Северного оленя». Я тотчас отдал швартовы и, не поднимая кливера, направил шлюп к джонке, на которую спрыгнул Джордж. Подойдя к ней, я вздохнул свободнее, потому что теперь нас стало двое, да к тому же у Джорджа на крайний случай был револьвер. С этой джонкой мы поступили точно так же, как и с первой: четверых китайцев взяли на шлюп, а одного оставили стеречь судно.

Затем мы взяли еще четверых китайцев с третьей джонки. К этому времени речной парусник тоже захватил двенадцать пленников и, перегруженный, подошел к нам. Как на грех, суденышко было такое маленькое, что патрульные, зажатые в толпе китайцев, едва могли шевельнуться и в случае бунта оказались бы бессильны против своих пленников.

– Выручайте, друзья, – сказал Ле Грант.

Я оглядел своих пленников, которые сгрудились в каюте или залезли на крышу рубки.

– Трех мы, пожалуй, можем взять, – сказал я.

– Бери уж четверых для ровного счета, – попросил Ле Грант. – А мне отдай Билла (Билл – это третий патрульный с «Северного оленя»). Нам тут повернуться негде, так что ежели случится попасть в переделку, один патрульный против двух китайцев будет в самый раз.

Так мы и сделали, после чего Ле Грант поднял парус, и его судно пошло по заливу к устью заболоченной реки Сан-Рафаэль. Я поставил кливер и двинулся следом. Город Сан-Рафаэль, где мы должны были сдать пленников властям, был связан с заливом длинной и извилистой рекой, судоходной только во время прилива. Теперь прилив кончался, близился отлив, и нужно было спешить, чтобы не дожидаться целых полдня следующего прилива.

Но чем выше поднималось солнце, тем слабее дул береговой бриз – теперь он налетал лишь слабыми, замирающими порывами. Судно Ле Гранта шло на веслах и вскоре оставило нас далеко позади. Несколько китайцев стояли в кокпите, у люка каюты, и один раз, перегнувшись через поручни кокпита, чтобы выбрать кливер-шкот, я почувствовал, как кто-то быстро ощупал мой карман. Я и вида не подал, что обратил на это внимание, но уголком глаза заметил, как на лице у Желтого Платка промелькнуло злорадство: он убедился, что пугавший его карман пуст.

А тут еще на беду, гоняясь за джонками, мы позабыли вычерпать из шлюпа воду, и теперь она начала заливать кокпит. Китайцы указывали на воду пальцами и вопросительно поглядывали на меня.

– Да, – сказал я. – Наша скоро пойдет ко дну, если твоя не черпай воду. Понимай?

Нет, они «не понимай», во всяком случае, они энергично трясли головами, хотя при этом весьма красноречиво переговаривались на своем тарабарском языке. Я поднял три или четыре доски, достал из рундука пару ведер и с помощью самых недвусмысленных жестов велел китайцам приниматься за дело. Но они, рассмеявшись мне в лицо, преспокойно вернулись в каюту или снова полезли на крышу рубки.

Смех китайцев не предвещал ничего хорошего. В нем звучала угроза, подкрепляемая их злобными взглядами. Желтый Платок, убедившись, что я безоружен, совсем обнаглел и расхаживал среди пленников, настойчиво подбивая их на что-то.

Скрывая свою досаду, я спустился в кокпит и сам стал вычерпывать воду. Но едва я взялся за ведро, как у меня над головой просвистел гик, судно резко легло на другой галс, грот наполнился ветром, и шлюп дал крен. Это задул морской бриз. Джордж был самой настоящей сухопутной крысой, так что мне пришлось бросить ведро и снова взяться за румпель. Ветер дул прямо со стороны замкнутого высокими горами мыса Педро и поэтому был шквалистый и коварный: паруса то наполнялись, то без толку полоскались на реях.

От Джорджа не было никакого толку – в жизни я еще не встречал более беспомощного человека. Кроме всего прочего, у него была еще чахотка, и я знал, что, если заставить его вычерпывать воду, у него может пойти горлом кровь. А

вода все прибывала, медлить было нельзя. Я снова приказал китайцам взяться за ведра. Они дерзко расхохотались, и те, что стояли в каюте по щиколотку в воде, начали громко переговариваться с соплеменниками, сидевшими на крыше.

- Вынь-ка свою пушку да заставь их поработать, - сказал я Джорджу.

Но он только покачал головой, и мне стало ясно, что он струсил. Китайцы не хуже меня поняли это, и наглость их стала просто невыносимой. Они взломали в каюте ящики с провизией, а те, что сидели на крыше рубки, спрыгнули вниз, и все вместе они стали лакомиться нашими галетами и консервами.

- Наплевать нам на это, - сказал Джордж дрожащим голосом.

Меня душил бессильный гнев.

- Если они выйдут из повиновения, будет поздно. Лучше сразу поставить их на место.

А вода все поднималась, и порывы ветра - первые вестники устойчивого бриза - становились все сильнее и сильнее. Наши пленники, покончив с недельным запасом провизии, едва затихал ветер, дружно перебегали от одного борта к другому, шлюп раскачивался и прыгал по воде, как яичная скорлупка. Желтый Платок подошел ко мне и, указывая на берег мыса Педро, где находилась его деревня, объяснил, что, если я поверну туда и высажу их на берег, они готовы вычерпывать воду. В каюте вода уже поднялась до уровня коек, простыни намокли. В кокпите глубина ее достигла целого фута. И все же я отказался наотрез. На лице Джорджа отразилось разочарование.

- Будь же мужчиной, не то они выбросят нас за борт, - сказал я ему. - Дай-ка сюда револьвер, так оно вернее.

- Вернее всего было бы посадить их на берег, - малодушно отозвался он. - Право, у меня нет никакой охоты утонуть из-за горстки паршивых китайцев.

- А у меня, право, нет никакой охоты сдаваться на милость горстки паршивых китайцев, только бы не утонуть! - с жаром воскликнул я.

- Но ведь тыпустишь «Северного оленя» ко дну, а вместе с ним и нас, - заскулил он. - Не понимаю, что тут хорошего...

- На вкус и цвет товарища нет! - отрезал я.

Он промолчал, но я видел, что его бьет дрожь. Угрозы китайцев и неуклонно прибывавшая вода лишили его остатков мужества, и я знал, что под влиянием страха он не остановится ни перед чем, лишь бы спасти свою шкуру. Я перехватил тоскливый взгляд, брошенный им на маленький ялик, который шел на буксире за кормой шлюпа, и как только утих очередной порыв ветра, подтянул ялик к борту. В глазах Джорджа блеснула надежда, но прежде, чем он угадал мое намерение, я проломил тонкое дно топором, и ялик осел глубоко в воду.

- Уж если тонуть, так вместе, - сказал я. - Давай сюда револьвер, и я живо заставлю их вычерпать воду.

- Но ведь их так много! - захныкал он. - Нам с ними не справиться.

Я с негодованием повернулся к нему спиной. Парусник Ле Гранта давно уже скрылся за маленьким архипелагом, известным под названием «Марин», и ждать от него помощи было нечего. Желтый Платок развязно подошел ко мне, вода в кокпите лизала ему ноги. Мне не нравился его вид. Под приятной улыбкой, которую он старался изобразить на лице, я угадывал недобрый умысел. Я так грозно приказал ему остановиться, что он повиновался.

- Ни шагу дальше! - крикнул я. - Не смей подходить ко мне.

- Почему так говоришь? - недовольно спросил он. - Моя знает по-английски много-много.

- Знает по-английски! - воскликнул я с горечью. Ясное дело, он прекрасно понял все, что произошло между Джорджем и мной. - Врешь, ничего ты не знаешь!

Он осклабился во весь рот.

- Нет, моя знает много-много. Моя - честный китаец.

– Ладно, – сказал я. – Знаешь, так знай. Давай вычерпывай воду, а потом будем разговаривать.

Он покачал головой и кивнул на своих товарищей.

– Никак нельзя. Плохой люди, очень плохой, да-да...

– Ни с места! – крикнул я, заметив, что он сунул руку за пазуху и изготовился к прыжку.

Обескураженный, он вернулся в каюту и стал там что-то лопотать: видно, держал совет со своими. «Северный олень» глубоко осел в воду, отяжелел и почти не слушался руля. При малейшем волнении он неизбежно пошел бы ко дну, но ветер был слабый, едва морщил водную гладь.

– Послушай, нам лучше бы повернуть к берегу, – заявил вдруг Джордж, и по его тону я понял, что страх придал ему решимости.

– Ни за что! – отозвался я.

– Я тебе приказываю! – сказал он с угрозой в голосе.

– Мне приказано доставить пленников в Сан-Рафаэль, – отозвался я.

Мы почти кричали, и китайцы, услышав перебранку вылезли на палубу.

– Повернешь ты к берегу или нет?

С этими словами Джордж направил на меня револьвер. Этот трус побоялся пустить его в ход против китайцев, а теперь грозил им товарищу!

Словно молния вспыхнула в ночном мраке – так ясно увидел я все, что ожидает меня из-за постыдной трусости Джорджа: позорное возвращение без пленников, встреча с Ле Грантом и другими товарищами, жалкие оправдания... Преследуя браконьеров, мы рисковали жизнью, и вот теперь добытая с таким трудом победа ускользает прямо из рук. Краешком глаза я видел, что китайцы столпились у люка и бросают на нас торжествующие взгляды. Врете, не бывать

по-вашему!

Я быстро присел и рукой резко отвел вверх дуло револьвера, так что пуля просвистела у меня высоко над головой. Стиснув одной рукой запястье Джорджа, я другой вцепился в револьвер. Желтый Платок со своими людьми бросился на меня. Наступил решительный момент. Собрав все силы, я резко толкнул Джорджа и, вырвав револьвер, отшвырнул напарника от себя. Он упал под ноги Желтому Платку, тот споткнулся, и оба они провалились в дыру там, где я поднял доски. В то же мгновение я направил на китайцев револьвер, и обезумевшие пленники сразу съежились и отступили.

Но вскоре я понял, что одно дело – стрелять в нападающих, и совсем другое – в людей, которые просто-напросто отказываются повиноваться. А повиноваться они и не думали, хотя я настойчиво указывал им на ведра. Я грозил им револьвером, а они молча сидели в затопленной каюте и на крыше рубки, не двигаясь с места.

Так прошло минут пятнадцать. «Северный олень» оседал все глубже и глубже, ветра не было, и грот беспомощно полоскал. А потом я увидел, как со стороны мыса Педро на нас двинулась какая-то темная полоса. Это подул устойчивый бриз, которого я так ждал. Я окликнул китайцев и указал им на темную полосу. Они ответили мне радостными воплями. Тогда я указал им на парус и на воду, затопившую шлюп, и знаками объяснил, что, когда ветер наполнит парус, мы опрокинемся. Но они нагло скалили зубы, прекрасно зная, что я могу привести шлюп к ветру и вытравить грота-шкот, чтобы обезветрить паруса и избежать катастрофы.

Но я уже принял решение. Выбрав фут или два грота-шкота, я навалился на румпель спиной. Теперь я мог одной рукой управлять парусом, а в другой держать револьвер. Темная полоса все надвигалась, и я видел, как китайцы с плохо скрытой тревогой поглядывают то на нее, то на меня. Сейчас должно было решиться, у кого достанет разума, воли и упорства не дрогнуть перед лицом смерти.

Вот ветер налетел на шлюп. Грота-шкот натянулся, блоки затрещали, гик изогнулся, парус наполнился ветром, и «Северный олень» стал крениться все круче и круче. Вот уже в воду погрузились поручни подветренного борта, затем иллюминаторы каюты, и вода хлынула в кокпит. Шлюп накренился так сильно, что людей в каюте швырнуло вповалку на подветренную койку, они корчились

там в воде, и те, кто оказался внизу, едва не захлебнулись.

А ветер все свежел, и «Северный олень» почти лег на бок. Я уже думал было, что спасения нет: еще один такой порыв – и шлюп опрокинется. Пока я, не отпуская грота-шкот, колебался, не прекратить ли борьбу, китайцы сами запросили пощады. Их крики прозвучали для меня сладостной музыкой. Только теперь, но ни секундой раньше я привел шлюп к ветру и вытравил грота-шкот. «Северный олень» медленно выпрямился, однако сидел он так глубоко, что я слабо верил в возможность его спасти.

Китайцы ринулись в кокпит и рьяно принялись вычерпывать воду ведрами, горшками, кастрюлями – всем, что подвернулось под руку. Какое это было чудесное зрелище – вода, стекающая за борт! Наконец «Северный олень», подгоняемый ветром, вновь гордо и величественно заскользил по воде и в самый последний миг, проскочив илистую отмель, вошел в устье реки.

Дух китайцев был сломлен, они стали такими шелковыми, что, завидев Сан-Рафаэль, сами высыпали на палубу, держа наготове швартовы, и впереди всех – Желтый Платок. Ну а что касается Джорджа, то это была его последняя облава. Такая работа ему не по нутру, объяснил он нам, куда лучше служить в какой-нибудь конторе на берегу. И мы вполне с ним согласились.

Король Греков

Рыбачьему патрулю ни разу не удалось задержать Большого Алека. Он хвастался, что никто не сумеет поймать его живым, а из прошлого этого человека было известно, что все попытки взять его мертвым терпели неудачу. Рассказывали также, что по крайней мере двое из патрульных, пытавшихся взять его мертвым, поплатились жизнью. При этом никто так систематически и умышленно не нарушал закон о рыбной ловле, как Большой Алек.

Его прозвали Большим Алеком за исполинское телосложение. Рост его достигал шести футов и трех дюймов, и соответственно этому он был широкоплеч и широкогруд. У него были могучие, крепкие как сталь мускулы, а о его недюжинной силе среди рыбаков ходили многочисленные легенды. Смелость и неукротимость духа не уступали его физической силе, благодаря чему ему дали

еще одно прозвище – Король Греков. Рыбаки, большинство которых были греки, относились к нему с почтением и слушались как вожака. Он и был их вожаком, защищал их интересы, лез за них в драку, вырывал из лап закона, если они попадались, и так их объединил, что в беде они горой стояли за него и друг за друга.

Рыбачий патруль не раз пытался поймать Большого Алека, но, поскольку ни одна попытка не увенчалась успехом, от этой затеи в конце концов отказались; естественно, что, когда разнесся слух о его приходе в Бенишу, мне не терпелось увидеть этого героя. Разыскивать его не пришлось. Только он появился, как первым делом, действуя по обычаю нагло, сам нашел нас.

В ту пору мы с Чарли Ле Грантом служили под начальством патрульного, которого звали Карминтел, и все трое находились на «Северном олене», готовясь к очередному переходу, когда к нам пожаловал Большой Алек. Карминтел наверняка встречался с ним прежде, ибо они подали друг другу руки, как добрые знакомые. На нас с Чарли Алек даже не взглянул.

– Я пришел сюда месяца на два – ловить осетров, – сказал он Карминтелу.

Взгляд его вызывающе блеснул, и мы заметили, что наш патрульный опустил глаза.

– Хорошо, Алек, – ответил Карминтел тихим голосом. – Не буду тебе докучать. Пойдем в каюту, там поговорим, – добавил он.

Когда они вошли туда и заперли за собой дверь, Чарли выразительно подмигнул мне. Я был еще юнцом, плохо разбирался в людях и в поступках иных из них, поэтому намек не понял. Чарли не стал объяснять, хотя я почувствовал в этом деле что-то неладное.

Оставив их совещаться, мы, по предложению Чарли, пересели в ялик и отправились к старой паровой пристани, где стоял плавучий дом Большого Алека. Это была барка, маленькая, но вместительная, столь же необходимая рыбакам Верхней бухты, как сети и лодки. Нам обоим любопытно было взглянуть на барку Большого Алека, ибо молва гласила, что она была ареной многих ожесточенных схваток и вся изрешечена пулями.

Мы обнаружили следы дыр, заделанных деревянными пробками и сверху покрашенных, но их оказалось не так много, как я ожидал. Чарли, заметив мое разочарование, засмеялся и, желая меня утешить, рассказал доподлинную историю одного рейда, предпринятого к плавучему дому Короля Греков с целью захватить его владельца, предпочтительно живым, а в крайнем случае – мертвым. После шестичасового боя патрульные отступили в поврежденных лодках, потеряв одного убитым и троих ранеными. Вернувшись на следующее утро с подкреплением, они от барки Большого Алека застали только причальные сваи. Сама барка на многие месяцы была спрятана в суисунские камыши.

– Но почему его не повесили за убийство? – спросил я. – Соединенные Штаты, мне думается, достаточно сильны, чтобы привлечь его к ответственности.

– Он сам отдался в руки властей, и был суд, – ответил Чарли. – Дело это ему обошлось в пятьдесят тысяч долларов, а выиграл он его на всяких процессуальных уловках с помощью лучших адвокатов штата. Все греки, рыбачившие на реке, внесли в это свою лепту. Большой Алек обложил их налогом и собирал его, как заправский король. Соединенные Штаты, может, и всемогущи, мой мальчик, но факт остается фактом: Большой Алек – король, у которого на территории Соединенных Штатов есть и владения, и подданные.

– А что ты сделаешь, когда он начнет ловить здесь осетров? Ведь ловить-то он будет «китайской лесой».

– Поживем – увидим, – пожав плечами, загадочно ответил Чарли.

«Китайская леса» – это хитроумное устройство, изобретенное народом, именем которого оно названо. Над самым дном, на высоте, начиная от шести дюймов и до фута, с помощью простой системы поплавков, грузил и якорей подвешивают тысячи крючков, каждый на отдельной лесе. Крючок и есть самое примечательное в этой снасти. На нем нет обычной зазубрины, ее заменяет длинный конусообразный конец, острый как игла. Крючки висят всего лишь в нескольких дюймах один от другого, и когда такая бахрома из тысяч крючков протянута над самым дном почти на тысячу пятьсот футов, она создает грозную преграду идущей по низу рыбе.

Такая рыба, как осетр, всегда идет, взрывая носом дно, словно свинья, поэтому его часто и называют «рыба-свинья». Уколовшись о первый же крючок, которого он коснулся, осетр в испуге бросается в сторону и натывается на десяток других крючков. Тогда он начинает отчаянно метаться, и крючок за крючком вонзаются в его нежное тело; крючки крепко держат злосчастную рыбу со всех сторон, пока она окончательно не выбьется из сил. Так как ни один осетр не может прорваться сквозь такую снасть, в законе о рыбной ловле ее именуют капканом, а поскольку этот способ ловли ведет к истреблению осетров, он признан незаконным. Мы ничуть не сомневались, что Большой Алек поставит именно такую снасть, подло и открыто попирая закон.

После визита Короля Греков прошло несколько дней, в течение которых мы с Чарли зорко следили за ним.

Свою барку он перетащил на буксире с Соланской пристани в большую бухту у Тернерской верфи. Эта бухта считалась излюбленным местом осетров, и мы были уверены, что как раз здесь Король Греков и разовьет свою деятельность. В часы прилива и отлива вода неслась в бухте как по мельничному лотку, так что поднимать, опускать и ставить «китайскую лесу» можно было только во время малой воды, поэтому в промежутки между приливом и отливом мы с Чарли попеременно наблюдали за бухтой с пристани.

На четвертый день, лежа на солнышке за балкой, я увидел, что от дальнего берега отошел ялик и направился к бухте. В тот же миг бинокль оказался у моих глаз, и я стал следить за каждым движением ялика. В нем находились двое, и, хотя нас разделяла добрая миля, в одном из них я узнал Алека. И не успел еще ялик вернуться обратно к берегу, как я окончательно убедился в том, что грек поставил свою снасть.

– Большой Алек поставил «китайскую лесу» в бухте у Тернерской верфи, – в тот же день доложил Чарли Ле Грант Карминтелу.

На лице патрульного мелькнула досада, он рассеянно сказал «да?», и только.

Сдерживая гнев, Чарли закусил губу, круто повернулся и вышел.

– Ну как, сынок, рискнем? – спросил он меня вечером, когда мы, надраив палубы «Северного оленя», собирались ложиться спать.

Дыхание у меня захватило, и я лишь кивнул.

– Так вот. – Глаза Чарли загорелись решимостью. – Мы сами, я и ты, поймаем Большого Алека. Придется нам это сделать, хочет Карминтел или нет. Согласен? – И после паузы добавил: – Дело нелегкое, но мы, пожалуй, справимся.

– Конечно, справимся, – с горячностью подтвердил я.

– Обязательно справимся, – сказал и Чарли.

Мы обменялись рукопожатиями и пошли спать.

Да, мы взяли на себя нелегкую задачу. Чтобы обвинить человека в браконьерстве, нужно было застать его на месте преступления, задержать и захватить все улики: крючки, снасть и рыбу. Это означало, что мы должны поймать Короля Греков в открытом море, где он увидит нас еще на подходе и не преминет подготовить одну из тех «теплых» встреч, какими славился.

– Нам его не провести, – сказал как-то утром Чарли. – Но если подойти борт к борту, наши силы сравняются. Ничего другого не остается, как попробовать. Пошли, сынок!

Мы отправились на паруснике с реки Колумбия, которым уже пользовались в облаве на китайцев – ловцов креветок. Стояла малая вода, и, обогнув Соланскую пристань, мы увидели Большого Алека за работой: он обходил свою снасть и выбирал рыбу.

– Поменяемся местами! – скомандовал Чарли. – Веди прямо на его корму, будто мы идем к верфи.

Я взялся за румпель, а Чарли сел на среднюю банку, положив рядом револьвер.

– Если он начнет стрелять, – предостерег Чарли, – ложись на дно и правь оттуда так, чтобы была видна только рука.

Я кивнул, и мы смолкли; лодка мягко скользила по воде и подходила к Королю Греков все ближе и ближе. Мы видели его уже совсем отчетливо: видели, как он вылавливает багром осетров и кидает их в лодку, а его помощник двигается вдоль снасти, очищая крючки, прежде чем снова забросить их в воду, – но были от них еще в пятистах ярдах, когда великан рыбак нас окликнул.

– Эй вы! Что вам здесь надо? – закричал он.

– Не останавливайся, – прошептал Чарли, – будто не слышишь.

Следующие несколько мгновений были очень тревожными. С каждой секундой мы все ближе подходили к нему, а он смотрел на нас в упор, пронизывая взглядом.

– Убирайтесь, коли вам дорога жизнь! – вдруг крикнул он, словно поняв, кто мы и зачем явились. – Не то вам не уйти отсюда живыми!

Он приложил карабин к плечу, и прицелившись в меня, спросил:

– Ну, уберетесь?

Чарли разочарованно вздохнул.

– Поворачивай, – шепнул он мне, – на этот раз все.

Я бросил руль, ослабил шкот, и наша лодка повернула на пять-шесть румбов. Большой Алек не спускал с нас глаз и вернулся к работе, лишь когда мы были уже далеко.

– Лучше оставьте Большого Алека в покое, – сердито сказал Карминтел в тот же вечер.

– Так он уже жаловался тебе? – многозначительно спросил Чарли.

Карминтел густо покраснел.

– Лучше оставьте Большого Алека в покое, говорю я вам, – повторил он. – Он опасный человек, и нет никакого расчета с ним связываться.

– Конечно, – сдержанно отозвался Чарли, – я слышал, что большой расчет оставить его в покое.

Это уже был прямой вызов Карминтелу, и по выражению его лица мы видели, что удар попал в цель. Ни для кого не было тайной, что Король Греков столь же охотно дает взятки, как и вступает в драку, и за последние годы не один патрульный сталкивался с ним за деньги.

– Ты хочешь сказать... – запальчиво начал Карминтел, но Чарли оборвал его:

– Я ничего не хочу сказать. Ты слышал, что я сказал, а коли на воре шапка горит...

Он пожал плечами, а Карминтел, не в силах произнести ни слова, бросил на него яростный взгляд.

– Чего нам не хватает, так это смекалки, – сказал однажды Чарли, после того как мы попытались подкрасться к Королю Греков в предрассветном сумраке и, на свою беду, были обстреляны.

После этого я много дней ломал себе голову, стараясь придумать способ, с помощью которого двоим удалось бы поймать в открытом море третьего, умеющего обращаться с оружием и никогда с ним не расстающегося. Всякий раз в малую воду Большой Алек нагло, открыто, среди бела дня ловил осетров своей «китайской лесой». Особенно обидно было сознавать, что все рыбаки от Бениши до Вальехо знают, как безнаказанно он оставляет нас в дураках. Не давал нам покоя и Карминтел, то и дело гонявший нас в Сан-Пабло, где бесчинствовали ловцы сельдей, так что на Короля Греков почти не оставалось времени. Но жена и дети Чарли жили в Бенише, там была наша штаб-квартира, и мы постоянно туда возвращались.

– Вот что мы можем сделать, – сказал я спустя несколько недель, в течение которых мы так ничего и не добились. – Подождем малой воды, а когда Алек заберет рыбу и отправится на берег, войдем в бухту и захватим его снасть. Ему понадобятся деньги и время, чтобы сделать новую, а дальше мы сообразим, как

захватить и ту. Уж если не удастся его поймать, так хоть собьем с него спесь. Понял?

Чарли понял и сказал, что это неплохая мысль. Мы не упустили возможности, и с наступлением малой воды, когда Король Греков собрал рыбу и пошел к берегу, мы в своем паруснике двинулись в путь. По береговым знакам мы знали, где должна находиться снасть, и не сомневались, что легко отыщем ее. Прилив только начинался; мы подошли к тому месту, где, по нашим предположениям, была протянута снасть, и отдали якорь. Вытавив столько каната, сколько требовалось, чтобы якорь едва касался грунта, мы медленно тянули его за собой, пока он не зацепился за снасть и лодка не замерла в неподвижности.

– Есть! – крикнул Чарли. – Иди сюда и помоги тащить.

Вдвоем мы тянули веревку, пока не показался якорь с осетровой снастью, зацепившейся за одну из его лап. Десятки страшных на вид крючков заблестели перед нами, когда мы освобождали якорь, но только мы направились вдоль снасти, к противоположному концу, чтобы вытащить ее, как нас остановил резкий удар по лодке. Мы оглянулись, но, ничего не увидев, вернулись к своей работе. Через минуту раздался еще такой же удар, и планшир между мной и Чарли разлетелся в щепы.

– Уж больно на пулю похоже, сынок, – раздумчиво сказал Чарли. – Это стреляет Большой Алек. У него бездымный порох, – заключил он, внимательно оглядев берег в миле от нас. – Вот почему мы не слышали выстрелов.

Я тоже посмотрел на берег, но не заметил и следа Короля Греков: тот, видимо, прятался за скалой, в бухточке, тогда как мы были совсем на виду. Третья пуля ударилась о воду, отскочила рикошетом и, со свистом пролетев над нашими головами, упала в воду позади нас.

– Пожалуй, нам лучше убраться отсюда, – спокойно заметил Чарли. – Ты как думаешь, сынок?

Я был того же мнения и сказал:

– Черт с ней, с этой лесой!

Мы подняли шпринтовый парус и тронулись с места. Стрельба тут же прекратилась, и мы ушли с неприятным сознанием, что Большой Алек смеется над нами.

Мало того, на следующий день, когда мы осматривали на рыбацкой пристани сети, он не постеснялся издеваться и зубоскалить на наш счет в присутствии всех рыбаков. Чарли прямо почернел от гнева, но сдержался и только пообещал Большому Алеку, что рано или поздно упечет его в тюрьму. Король Греков стал похвалиться, что ни один рыбацкий патруль не поймал его и никогда не поймают, а рыбаки поддакивали ему, утверждая, что это истинная правда. Они так распалились, что казалось: вот-вот начнется потасовка, но Большой Алек своей королевской властью усмирил их.

Смеялся над Чарли и Карминтел, отпуская язвительные замечания и всячески досаждая ему. Однако Чарли не проявлял гнева и по секрету сказал мне, что все равно поймают Большого Алека, если даже придется гоняться за ним до конца дней своих.

– Не знаю как, но сделать я это сделаю, – заявил он. – Это так же верно, как то, что меня зовут Чарли Ле Грант. Не бойся, в свой час верная мысль непременно придет.

Действительно, в свой час она пришла, и пришла тогда, когда мы меньше всего ждали. Целый месяц мы неустанно ходили вверх-вниз по реке, бороздили вдоль и поперек залив, и у нас не было свободной минуты, чтобы заняться рыбаком, который «китайской лесой» ловил осетров в бухте у Тернерской верфи.

Как-то в полдень, неся патрульную службу, мы подошли к Селбийскому плавильному заводу, и тут нам наконец представился долгожданный случай. Он явился в облике никем не управляемой яхты, ибо все пассажиры ее страдали от морской болезни. Конечно, едва ли можно было ждать, что мы распознаем в ней нашего спасителя. То была большая яхта-шлюп, совсем беспомощная, так как дул почти штормовой пассат, а на борту не было ни одного умелого матроса.

С селбийской пристани мы с беспечным любопытством наблюдали за неуклюжими попытками поставить яхту на якорь и столь же неуклюжими попытками спустить лодку и отправиться в ней на берег. Весьма жалкого вида человек в грязных парусиновых штанах, чуть не утопив свою лодчонку в бурном

море, передал нам фалинь и с трудом выбрался на пристань. Он шатался так, как будто земля под ним ходила ходуном, и рассказывал нам о своей беде, то есть, собственно, о том, что произошло с яхтой. Единственного опытного матроса, человека, от которого все они зависели, отозвали телеграммой в Сан-Франциско, и они попытались продолжить путь одни. Справиться с крепким ветром и волнением в бухте Сан-Пабло оказалось им не под силу. Все больны, никто ничего не знает и не умеет делать; вот они и подошли к плавильне, чтобы оставить здесь яхту или найти кого-нибудь, кто отвел бы ее в Бенишу. Словом, не знаем ли мы моряков, которые согласились бы отвести яхту в Бенишу?

Чарли взглянул на меня. «Северный олень» спокойно стоял на якоре. Мы были свободны от патрульной службы до полуночи. Дул попутный ветер, мы могли бы добраться до Бениши часа за два, побыть несколько часов на берегу и вернуться сюда вечерним поездом.

– Все будет в порядке, капитан, – сказал Чарли неудачливому яхтсмену, вяло улыбнувшемуся, когда его называли капитаном.

– Я только владелец яхты, – пояснил он.

Мы доставили его на яхту куда лучшим манером, чем это сделал он, переправляясь на берег, и убедились собственными глазами, до чего беспомощны были пассажиры. Их было там человек двенадцать, мужчины и женщины, и все они так страдали от морской болезни, что даже не оживились при нашем появлении. Яхту отчаянно качало, и едва ее владелец ступил на палубу, как свалился, разделив участь всех остальных. Ни один из пассажиров не был в состоянии оказать помощь, поэтому нам с Чарли пришлось вдвоем разбирать запутанный такелаж, ставить парус и поднимать якорь.

Путешествие было беспокойным, хотя и недолгим. Каркинезский пролив представлял собой мешанину бурлящей пены и густого тумана, но мы стремительно проскочили сквозь них и, опережая ветер, понеслись вперед, в то время как большой грот попеременно то окунал, то подбрасывал в небо свой гик. Но люди этого не замечали. Они ничего не замечали. Двое или трое, включая и владельца яхты, растянулись в кубрике, вздрагивая всякий раз, когда яхта взлетала на гребень волны, а потом падала вниз, в бездну, и время от времени с тоской посматривая на берег. Остальные лежали вповалку среди подушек на полу в каюте. Иногда оттуда доносился стон, но большей частью они были немые и неподвижные, как покойники.

Но вот показалась Тернерская верфь, и Чарли проскользнул в бухту, так как там было тише. Уже виднелась и Бениша, и мы шли по сравнительно спокойной воде, как вдруг впереди, прямо у нас на пути, заплясало пятнышко – ялик. Стояла малая вода. Мы с Чарли переглянулись. Ни слова не было сказано, но яхта повела себя самым удивительным образом, то и дело меняя направление и рыская, словно у штурвала стоял совсем зеленый новичок. Моряку нашлось бы, над чем посмеяться. Со стороны казалось, будто через залив во весь дух несется взбесившаяся яхта и лишь временами ее сдерживает чья-то рука, тщетно стараясь направить в Бенишу.

Владелец, позабыв о своей морской болезни, с тревогой смотрел на нас. Пятнышко – ялик – на нашем пути все росло, мы могли уже разглядеть склонившихся над накинутой на крюйс осетровой снастью Большого Алека и его приятеля, которые прервали работу, чтобы над нами посмеяться. Чарли надвинул зюйдвестку на глаза, и я последовал его примеру, хотя не догадывался, что он затеял и как собирается осуществить свою затею.

Вспенивая воду и держась на траверзе ялика, мы подошли к нему так близко, что по ветру до нас донеслись голоса Короля Греков и его помощника, ругавших нас со всем презрением, какое истые моряки испытывают к любителям, особенно если те ведут себя как последние идиоты.

Словно грозовой шквал, мы пронеслись мимо рыбаков, но ничего не случилось. Взглянув на мое разочарованное лицо, Чарли усмехнулся и крикнул:

– На грота-шкот, к повороту!

Он переложил руль на борт, и яхта послушно сделала поворот. Грота-шкот ослаб и опустился, вслед за гиком пролетел над нашими головами и с треском растянулся на раке-бугеле. Яхта сильно накренилась, почти легла на бок; страшный вопль донесся из каюты: это больных пассажиров прокатило через всю каюту и швырнуло вповалку на койки правого борта.

Но нам было не до них. Завершив свой маневр, яхта с полоскающими парусами двинулась против ветра и встала на ровный киль. Мы снова понеслись вперед; ялик был теперь прямо перед нами. Я увидел, как Большой Алек бросился за борт, а его помощник ухватился за наш бушприт. Тут мы наскочили на ялик, раздался треск, потом еще толчки и удары, когда ялик очутился под нашим

днищем.

– Теперь его карабину крышка, – пробормотал Чарли, бросившись на палубу, чтобы взглянуть, нет ли Большого Алека где-нибудь за кормой.

Ветер и волны быстро остановили наше движение вперед, и нас стало относить туда, где мы только что видели ялик. Черноволосая голова и смуглое лицо грека высунулись из воды чуть ли не рядом, и мы втащили его на борт. Он ничего не подозревал и был страшно зол на «любителей», которые столь неуклюжим маневром чуть не утопили его, заставив глубоко нырнуть и долго оставаться под водой, чтобы не разбиться о киль.

В следующую минуту, к великому ужасу и изумлению владельца яхты, Чарли уже сидел верхом на Короле Греков, а я помогал вязать его сезенью. Владелец яхты возбужденно запрыгал вокруг нас, требуя объяснений, но к этому времени приятель Алека сполз с бушприта на корму и заглядывал через поручни в кубрик, силясь понять, что творится. Чарли тут же обхватил его за шею и уложил на спину рядом с Большим Алеком.

– Давай еще сезени! – крикнул Чарли, и я поспешил выполнять его приказание.

Разбитый ялик лениво покачивался невдалеке; я привел в порядок паруса, а Чарли стал править к ялику.

– По этим людям тюрьма плачет, – пояснил Чарли взбешенному владельцу. – Они злостные браконьеры. Вы видели, что мы накрыли их на месте преступления, и вас, конечно, вызовут в суд штата как свидетеля.

Тем временем мы поравнялись с яликом, за которым тянулась оборвавшаяся снасть. Чарли вытянул на борт футов сорок-пятьдесят ее вместе с молодым осетром, так и застрявшим в путанице острых крючков, потом отхватил этот кусок снасти своим ножом и бросил в кубрик рядом с пленниками.

– А вот и вещественное доказательство, улика номер один, – продолжал Чарли. – Смотрите внимательно, чтобы опознать на суде, и запомните время и место, где преступники были пойманы.

Вскоре, перестав рыскать и кружиться во все стороны, мы торжественно шли к Бенише. Король Греков, связанный по рукам и ногам, лежал в кубрике, наконец-то оказавшись пленником рыбачьего патруля.

Набег на устричных пиратов

Мы с Чарли Ле Грантом, видимо, одинаково считали, что из всех патрульных, под началом которых нам довелось в разное время служить, лучшим был Нейл Партингтон. Человек честный и отважный, он относился к нам чисто по-дружески, хотя и требовал точного выполнения всех своих приказаний, и ни при одном другом начальнике мы не знали такой свободы, какую предоставлял нам Нейл, в чем вы сами убедитесь, прочитав этот рассказ.

Его семья жила в Окленде, что стоит на Нижней бухте, милях в шести по заливу от Сан-Франциско. Однажды, когда мы патрулировали возле мыса Педро, где китайцы ловят креветок, Нейл получил известие, что его жена заболела. Не прошло и часа, как «Северный олень», подгоняемый крепким норд-остом, уже мчался к Окленду. Мы вошли в оклендский порт и отдали якорь, а потом, в те дни, пока Нейл находился на берегу, подтягивали на «Северном олене» такелаж, тщательно проверяли балласт, скребли палубы и приводили судно в полный порядок.

Покончив с работой, мы начали томиться от безделья. Болезнь жены Нейла оказалась опасной, перелома ждали лишь через неделю, и это вынуждало нас стоять на приколе. Мы с Чарли околачивались в доках, подыскивая, чем бы заняться, как вдруг на оклендской городской пристани наткнулись на устричную флотилию. Это были по большей части ладные, чистенькие шлюпки, быстроходные и надежные в штормовую погоду, и мы уселись на край причала, чтобы получше их разглядеть.

– Неплохой, видать, улов! – заметил Чарли, указывая на устриц, сложенных по величине в три кучи на палубе каждой шлюпки.

Разносчики, примостив свои тележки у борта причала, отчаянно торговались с рыбаками, и из переговоров я узнал продажную цену устриц.

– В этой шлюпке долларов на двести груза, никак не меньше, – подсчитал я. – Хотел бы я знать, сколько времени понадобилось, чтобы его добыть.

– Дня три-четыре, – ответил Чарли. – Недурной заработок на двоих: двадцать пять долларов в день на каждого!

Шлюпка, которая привлекла наше внимание, называлась «Призрак» и стояла как раз под нами. В ее команде было двое. Один – приземистый, широкоплечий детина с чрезвычайно длинными, точно у гориллы, руками; второй, напротив, высокого роста, хорошо сложен, с ясными голубыми глазами и шапкой черных волос. Это сочетание цвета глаз и волос было столь поразительно и необычно, что мы с Чарли задержались на причале дольше, чем предполагали.

И хорошо сделали. Рядом с нами остановился тучный пожилой мужчина, по виду и одежде крупный торговец, и тоже принялся глядеть вниз, на палубу «Призрака». Он, казалось, был чем-то рассержен, и чем дольше смотрел, тем больше злился.

– Это мои устрицы, – сказал он наконец. – Я уверен, что они мои. Вы учинили ночью набег на мои отмели и обокрали меня.

Верзила и коротышка с «Призрака» посмотрели вверх.

– Здорово, Тафт! – с наглой развязностью сказал коротышка (из-за своих длинных рук он получил на заливе прозвище Сороконожка). – Здорово, Тафт, – повторил он и спросил: – На что теперь разворчался?

– Это мои устрицы, говорю я вам. Вы их украли с моих отмелей.

– Уж больно ты умник, – насмешливо отозвался Сороконожка. – Ишь ты, так сразу и распознал, что устрицы твои?

– Насколько мне известно, – вмешался Верзила, – устрица всегда устрица, где ее ни найти, они вроде одинаковые во всем заливе и, между прочим, на всем белом свете тоже. Мы не хотим ссориться с вами, мистер Тафт, мы только хотим, чтобы вы не возводили на нас поклеп, рассказывая всем, что это ваши устрицы и что мы воры и грабители, если у вас нет на то доказательств.

– Голову даю на отсечение, что это мои устрицы, – прохрипел мистер Тафт.

– Докажите, – потребовал Верзила, которого, как мы потом узнали, за то, что он великолепно плавал, окрестили Дельфином.

Мистер Тафт беспомощно пожал плечами. Конечно, он не мог доказать, как бы ни был в этом уверен, что устрицы принадлежат ему.

– Я бы не пожалел и тысячи долларов, чтобы засадить вас за решетку! – крикнул он. – Я бы дал по пятьдесят долларов с головы тому, кто поймал бы вас и уличил всех до единого!

Взрыв хохота прокатился по лодкам – другие пираты прислушивались к разговору.

– От устриц больше дохода, – отрезал Дельфин.

Разгневанный мистер Тафт повернулся и ушел. Краешком глаза Чарли проследил, куда он идет. Через несколько минут, когда мистер Тафт свернул за угол, Чарли лениво поднялся, я за ним, и мы побрели в противоположную сторону.

– Бегом! Живо! – прошептал Чарли, едва мы скрылись из вида устричной флотилии.

Мы мгновенно изменили курс и, прячась за углами, кружили по боковым улицам до тех пор, пока впереди не замаячила внушительная фигура мистера Тафта.

– Я хочу потолковать с ним насчет награды, – объяснил мне Чарли, когда мы догоняли владельца устричных отмелей. – Нейл пробудет тут еще целую неделю, и почему бы нам за это время не подзаработать немного? Что ты на это скажешь?

– Разумеется, разумеется, – подтвердил мистер Тафт, после того как Чарли представился и сообщил о нашем намерении. – Эти воры ежегодно обкрадывают меня на тысячи долларов, и, чтобы разделаться с ними, не пожалею денег. Да, сэр, не пожалею. Как я уже говорил, дам по пятьдесят долларов с головы, и

считаю, что это дешево. Они ограбили мои отмели, сорвали опознавательные знаки, запугали сторожей, а в прошлом году одного убили. Доказать ничего не удалось. Все делается под покровом ночи. Сторож был убит, но улики никаких. Сыщики ничего не нашли. Никто не может справиться с этими людьми. Ни одного из них нам не удалось арестовать. Так вот, мистер... Как, вы сказали, вас зовут?

- Ле Грант, - ответил Чарли.

- Так вот, мистер Ле Грант. Я чрезвычайно обязан вам за предложенную помощь. И буду рад, очень рад, сэр, всячески содействовать вам. Мои сторожа и лодки в вашем распоряжении. В любое время приходите в мою контору в Сан-Франциско или звоните по телефону за мой счет. Не жалеете денег. Я оплачу расходы, какие бы они ни были (конечно, в пределах благоразумия). Положение становится невыносимым, и необходимо наконец что-то предпринять, чтобы выяснить, кто хозяин устричных отмелей: я или эта банда головорезов.

- Теперь пойдём к Нейлу, - сказал Чарли после того, как мы проводили мистера Тафта к сан-францисскому поезду.

Нейл Партингтон не только не препятствовал нам осуществить свое рискованное намерение, но даже оказал большую помощь. Мы с Чарли ничего не смыслили в ловле устриц, а его голова была энциклопедией всяких сведений в этом вопросе. Притом не позднее чем через час он доставил нам парнишку-грека, который знал назубок все ходы и выходы устричного пиратства.

К слову говоря, не мешает пояснить, что в рыбацком патруле мы с Чарли были вроде добровольцев. Нейл Партингтон как штатный патрульный получал определенное жалованье, тогда как мы с Чарли, всего лишь помощники, получали только то, что нам удавалось заработать, то есть некоторый процент со штрафов, налагаемых на уличенных нами нарушителей законов рыбной ловли, и вознаграждение, если нам подвертывался случай его заслужить. Мы предложили Нейлу поделиться с ним деньгами, которые надеялись получить у мистера Тафта, но он и слышать об этом не хотел: сказал, что счастлив помочь людям, которые так много сделали для него.

Мы долго держали военный совет и наметили такой план действий. В Нижней бухте меня и Чарли не знали в лицо, но «Северный олень» был всем известен как

патрульное судно, поэтому решили, что я и парнишка-грек – его звали Николас – отправимся к острову Аспарагус на другой, не вызывающей подозрений лодке и присоединимся к устричной флотилии. Зная по описанию Николаса расположение отмелей и способы набега, мы могли рассчитывать, что застигнем пиратов во время кражи устриц и сумеем их задержать. Чарли, сторожа и наряд полицейских будут ждать нас на берегу и в нужную минуту придут на помощь.

– У меня есть на примете такая лодка, – сказал Нейл в заключение. – На том берегу в Тибуроне стоит старый-престарый шлюп. Вы и с Николасом переправитесь туда на пароме, наймете его за гроши и прямо оттуда поплывете к отмелям.

– Ни пуха ни пера, мальчики! – сказал Нейл на прощание два дня спустя. – Помните, что это опасные люди, и будьте начеку.

Нам с Николасом действительно удалось зафрахтовать шлюп совсем задаром. Поднимая парус, мы со смешками порешили, что он еще древнее и хуже, чем нам описали. Это было большое плоскодонное судно с транцевой кормой и парусным вооружением шлюпа, неуклюжее и ненадежное в управлении. Мачта его была перекошена, снасть не натянута, паруса ветхи, а бегучий такелаж почти весь сгнил. Оно мерзко воняло каменноугольным дегтем, которым было замазано от носа до кормы и от крыши каюты до выдвижного киля. И в довершение на обоих его бортах из конца в конец огромными белыми буквами было выведено: «Каменноугольная смола «Мэгги».

В пути из Тибурона до острова Аспарагус, куда мы прибыли на следующий день, все обошлось без происшествий, хотя смеху было много. Флотилия устричных хищников, состоявшая из порядочного количества шлюпок, стояла на якоре у так называемых «Заброшенных отмелей». Наша «Мэгги», с легким ветерком за кормой, хлюпая, вклинилась между шлюпками пиратов, и они высыпали на палубу, чтобы посмотреть на нас. Нам с Николасом удалось раскусить нрав нашей посудины, и мы старались вести ее как можно более неумело.

– Это еще что? – воскликнул кто-то.

– Назови как хочешь, – отозвался другой.

– Бьюсь об заклад, что это и есть Ноев ковчег, – сострил Сороконожка с палубы «Призрака».

– Эй, да это же клипер! – крикнул еще один шутник. – В какой порт изволите следовать?

Мы не обращали внимания на насмешки и, прикидываясь неопытными новичками, делали вид, будто всецело заняты нашей «Мэгги». Я обогнул «Призрак» с наветренной стороны, а Николас побежал вперед отдать якорь. Все видели, что наша цепь спуталась в клубок и якорь не мог достать дна. И на глазах у всех мы ужасно долго возились, силясь вытравить цепь. Как бы то ни было, нам вполне удалось обмануть пиратов, которых наши затруднения приводили в неистовый восторг.

Цепь не желала распутываться. Под градом насмешек и язвительных советов мы отошли назад и наскочили на «Призрак», бушприт которого врезался в наш грот и проткнул дыру величиной с амбарную дверь. Сороконожка и Дельфин корчились от смеха на палубе, предоставив нам справляться на свой страх и риск. В конце концов мы справились, хотя действовали очень неумело. Мы высвободили якорную цепь, но вытравили ее футов на триста, хотя глубина под нами едва достигала десяти футов. Это дало нам возможность двигаться по окружности шестьсот футов диаметром, и в этом круге «Мэгги» могла зацепить по крайней мере половину флотилии.

Суда стояли вплотную друг к другу на коротких тросах, и, поскольку погода была тихой, устричные пираты громко запротестовали против того, что мы по невежеству вытравили якорную цепь на столь недопустимо большую длину. Они не только протестовали, но и вынудили нас выбрать ее, оставив лишь тридцать футов.

Полагая, что они достаточно уверились в нашей неопытности, мы с Николасом спустились в каюту, чтобы поздравить друг друга и приготовить ужин. Только мы поели и вымыли посуду, как к борту «Мэгги» подошел ялик и по палубе затопали тяжелые сапоги. Потом над люком появилось омерзительное лицо Сороконожки, и он в сопровождении Дельфина спустился в каюту. Не успели они сесть на койку, как подошел второй ялик, потом третий, четвертый, пока, наконец, в каюте не собралась вся флотилия.

– Где вы стянули эту старую лохань? – спросил малорослый, волосатый, похожий на мексиканца мужчина со злыми глазами.

– Нигде не стянули, – в тон ему ответил Николас, поддерживая в пиратах подозрение, что мы действительно украли «Мэгги». – А если и стянули, так что из этого?

– Ничего, только не очень я одобряю ваш вкус, – с издевкой усмехнулся тот, что походил на мексиканца. – Я бы сгнил на берегу, но не польстился на лоханку, которая сама у себя путается под ногами.

– А откуда нам было знать, не испытай ее? – спросил Николас с таким невинным видом, что все покатались со смеху. – А как вы ловите устриц? – быстро добавил он. – Нам нужно целую гору устриц, для этого мы и пришли сюда, целую гору.

– А для чего они вам понадобились? – осведомился Дельфин.

– Раздарить друзьям, на что еще, – нашелся Николас. – Для этого они, должно быть, нужны и вам.

Ответ вызвал новый взрыв смеха; гости становились все благодушнее, и мы уже не сомневались, что они ничуть не подозревают, кто мы такие и зачем явились.

– Не тебя ли я видел на днях на оклендской пристани? – вдруг спросил меня Сороконожка.

– Меня, – смело ответил я, хватая быка за рога. – Я следил за вами и прикидывал, есть ли нам расчет ввязываться в это дело. Я решил, что это выгодная работа, вот мы и взялись за нее. Конечно, – поспешил я добавить, – если вы не против.

– Скажу раз и навсегда, – заявил он. – Придется вам поднатужиться и добыть себе шлюпку получше. Мы не допустим, чтоб нас срамили таким вот корытом. Ясно?

– Как божий день! – ответил я. – Продадим немного устриц и снарядимся как положено.

– Что ж, если вы покажете себя правильными людьми, – продолжал Сороконожка, – топайте с нами. Но ежели нет, – голос его стал суровым и угрожающим, – каюк. Попомните это. Ясно?

– Как божий день, – ответил я.

Еще несколько минут пираты таким же манером поучали и запугивали нас, а потом разговор принял общий характер и из него мы узнали об их намерении ограбить отмели той же ночью. Через час, когда хищники собрались уходить, нам было предложено участвовать в набеге. «Чем больше народу, тем веселее», – сказал кто-то.

– Ты заметил этого малого, смахивающего на мексиканца? – спросил Николас, когда они удалились на свои шлюпки. – Его зовут Бэрчи, он из банды «Бесшабашная жизнь», а тот, что с ним, Скиллинг. Они оба выпущены на поруки под залог в пять тысяч долларов.

Я слышал о банде «Бесшабашная жизнь» – шайке хулиганов и преступников, терроризировавших нижние кварталы Окленда; две трети из них постоянно сидели в местной тюрьме за разные преступления, начиная лжесвидетельствами и жульничествами с бюллетенями во время выборов и кончая убийством.

– Вообще-то они не занимаются кражей устриц, – продолжал Николас. – И явились сюда лишь поозорничать да подзаработать. Но за ними надо следить в оба.

В одиннадцать часов, когда мы сидели в кубрике, уточняя подробности нашего плана, до нас вдруг донеслись со стороны «Призрака» мерные удары весел. Мы подтянули свой ялик, бросили туда несколько мешков и поплыли к «Призраку». Там мы застали лодки в полном сборе, ибо пираты решили напасть на отмели скопом. К моему удивлению, в том месте, где мы отдали якорь на десять футов, теперь глубина едва достигала одного фута. Была пора большого прилива июньского полнолуния, а так как до конца отлива оставалось еще полтора часа, я знал, что к наступлению малой воды наша якорная стоянка окажется на суше.

Отмели мистера Тафта находились на расстоянии трех миль, и мы долго в полном молчании шли в кильватере остальных лодок, порой застревая на мели или задевая дно веслом. В конце концов мы сели на илистый грунт, покрытый

водой не больше чем на два дюйма. Дальше лодки плыть не могли. Однако пираты мгновенно оказались за бортом, и, толкая и подтягивая свои плоскодонные ялики, мы неуклонно двигались вперед.

Полную луну временами закрывали высокие облака, но пираты шли с уверенностью людей, не раз проделывавших этот путь. С полмили мы тащили свои лодки по илу, потом снова сели в них и вошли в глубокий канал, по обе стороны которого высились поблескивавшие устрицами отмели. Наконец-то мы достигли места, где собирают устриц. С одной из отмелей нас окликнули двое сторожей и велели убираться. Сороконожка, Дельфин, Бэрчи и Скиллинг вышли вперед и двинулись прямо на сторожей. Мы вместе с остальными – нас было не менее тридцати человек в пятнадцати лодках – поплыли вслед за ними.

– Убирайтесь-ка отсюда, пока целы, – угрожающе сказал Бэрчи, – не то мы всадим в ваши лодки столько свинца, что они даже в патоке не удержатся на плаву!

Перед столь превосходящими силами сторожа благоразумно отступили и направили свою лодку вдоль канала к берегу. По нашему плану им и полагалось отступить.

Мы втащили лодки носом на край большой отмели, разбрелись во все стороны и стали собирать устриц в мешки. Время от времени заволакивавшие луну облака редели, и мы ясно видели перед собой крупных устриц. Мешки наполнялись мгновенно, их тотчас уносили в лодки, а оттуда брали другие. Мы с Николасом, не набирая много устриц, то и дело возвращались к лодкам, но всякий раз наталкивались на кого-нибудь из пиратов, шедших туда или обратно.

– Не тужи, – сказал Николас. – Чего спешить? Чем дальше придется ходить за устрицами, тем больше времени понадобится, чтобы относить мешки. Тогда они будут оставлять полные мешки прямо на месте, чтобы во время прилива приплыть за ними на лодках.

Прошло добрых полчаса, вода уже начала прибывать, и вот тут-то все и началось. Оставив хищников за работой, мы украдкой пробрались к лодкам и, бесшумно столкнув их одну за другой в воду, быстро составили неуклюжую флотилию. В ту минуту, когда мы сталкивали последний ялик, наш собственный, подошел один из пиратов. Это был Бэрчи. Быстрым взглядом он вмиг оценил

положение и кинулся на нас, но мы, сильно оттолкнувшись, ушли вперед, и он упал в воду. Выбравшись на отмель, он тотчас поднял крик, предупреждая об опасности.

Мы гребли изо всех сил, но с таким количеством лодок на буксире двигались медленно. С отмели хлопнул выстрел, второй, третий, и началась самая настоящая канонада. Пули так и шлепались вокруг нас, но густые облака застлали луну и в мутной тьме стрельба была беспорядочной. В нас могли попасть разве только ненароком.

- Был бы у нас маленький паровой катер, - задыхаясь, прошептал я.

- Хоть бы луна больше не показывалась, - тяжело дыша, отозвался Николас.

Мы шли медленно, но каждый удар весел уводил нас все дальше и дальше от мели и приближал к берегу. Наконец стрельба стихла, и, когда луна вновь вышла из облаков, мы были уже вне опасности. Вскоре нас окликнули с берега, и две адмиралтейские шлюпки, каждая с тремя гребцами на веслах, понеслись нам навстречу. Чарли радостно улыбался и, пожимая нам руки, кричал:

- Молодцы! Молодцы оба!

Мы подвели флотилию к берегу, и сразу же я, Николас и один из сторожей сели на весла в адмиралтейскую шлюпку, а Чарли - на корму. Две другие шлюпки последовали за нами, и, поскольку луна теперь светила ярко, мы без труда отыскивали устричных пиратов на дальней отмели. Но стоило нам подойти ближе, как пираты открыли стрельбу из своих револьверов, и мы живо отступили на безопасную позицию.

- Нам спешить некуда, - сказал Чарли. - Вода прибывает быстро, и, когда она подступит к горлу, им уже будет не до стрельбы.

Мы сушили весла, ожидая, пока прилив сделает свое дело. Положение пиратов становилось отчаянным: после большого отлива вода стремительно, как по мельничному лотку, неслась назад, и даже лучший в мире пловец не одолел бы против течения трех миль пути. Путь к бегству в сторону берега отрезали мы, ибо наши лодки стояли между берегом и отмелями. Вода меж тем быстро заливала отмели и через несколько часов неминуемо должна была покрыть

пиратов с головой.

Было удивительно тихо; в искрящемся белом свете луны мы наблюдали за пиратами в бинокль и рассказывали Чарли о нашем плавании на «Мэгги». Наступил час, потом два часа ночи; хищники, стоя по пояс в воде, столпились на самой высокой от- мели.

– Вот доказательство того, как важна смекалка, – говорил Чарли. – Сколько лет Тафт старался заполучить их, но лез напролом и ничего у него не получалось. А мы поработали головой...

Тут до меня донесся едва слышный плеск, и, подняв руку в знак молчания, я обернулся и показал на рябь, которая медленно расходилась по воде большими кругами. Это произошло не более чем в пятидесяти футах от нас. Мы замерли, ожидая, что будет дальше. Через минуту вода раздалась футах в шести от нас, и в свете луны показалась черная голова и белое плечо. Человек удивленно фыркнул, шумно выпустил воздух, и тотчас голова и плечо скрылись под водой.

Несколькими ударами весел мы ушли вперед и поплыли по течению. Четыре пары глаз впились в водную гладь, но так и не увидели ни кругов на воде, ни черной головы, ни белого плеча.

– Это Дельфин, – сказал Николас. – Его и днем-то не очень поймаете.

Без четверти три пираты проявили первые признаки слабости. Мы услышали крики о помощи и сразу узнали голос Сороконожки, а когда подошли ближе, в нас уже больше не стреляли. Положение Сороконожки было воистину отчаянным. Чтобы легче было устоять против течения, хищники держались друг за друга и над водой были только их головы да плечи, а так как ноги Сороконожки не доставали дна, он буквально висел на своих приятелях.

– Ну, ребята, – весело сказал Чарли, – вот вы и попались! Теперь вам не уйти. Если будете сопротивляться, оставим вас здесь, и вода вас прикончит. Но если будете послушными, мы возьмем вас на борт, каждого по очереди, и все будут спасены. Что вы на это скажете?

– Ладно, – хором просипели пираты, стуча зубами от холода.

– Тогда подходите поодиночке, и сперва малорослые.

Первым взяли на борт Сороконожку. Он пошел охотно, хотя и стал было протестовать, когда полицейский надевал ему наручники. Вторым втащили Бэрчи, который от долгого пребывания в воде присмирел и стал совсем покорным. Приняв на борт десятерых, мы отошли, и пираты полезли во вторую шлюпку. Третьей досталось только девять пленников, а весь улов насчитывал двадцать девять человек.

– А Дельфина вы так и не поймали, – торжествующе заявил Сороконожка, словно бегство Дельфина основательно умалило наш успех.

– Зато видели, – засмеялся Чарли. – Плыл, фыркая, к берегу и хрюкал, как боров.

В устричный склад мы привели с берега кроткую и дрожавшую от озноба банду пиратов. На стук Чарли дверь широко распахнулась, и нас обдало волной приятного тепла.

– Можете высушить здесь свою одежду и выпить горячего кофе, – возвестил Чарли, когда все ввалились в дом.

А там, у огня, с кружкой дымящегося кофе в руках, мирно сидел Дельфин. Мы с Николасом одновременно взглянули на Чарли. Он весело рассмеялся.

– Результат смекалки, – сказал он. – Когда что-нибудь видишь, надо осмотреть со всех сторон, иначе что толку? Я видел берег и потому оставил там двоих полицейских – пусть приглядывают. Вот и вся недолга.

Осада «Ланкаширской королевы»

Вероятно, самым трудным в практике нашей рыбацкой патрульной службы был тот случай, когда нам с Чарли Ле Грантом пришлось в течение двух недель держать в осаде большое четырехмачтовое английское судно. Под конец это дело превратилось для нас в настоящую математическую задачу, и только чистая случайность позволила нам благополучно решить ее.

Разделавшись с устричными пиратами, мы вернулись в Окленд, но прошло еще две недели, прежде чем миновала опасность для жизни жены Нейла Партингтона и она оправилась от болезни. Итак, в общей сложности лишь через месяц наш «Северный олень» вновь появился в Бенише. Без кота мышам раздолье: за этот месяц рыбаки совсем от рук отбились и стали беззастенчиво нарушать закон. Огибая мыс Педро, мы заметили признаки оживления среди ловцов креветок, а по заливу Сан-Пабло шныряло немало рыбацких баркасов с Верхнего залива, владельцы которых, завидев нас, спешили вытащить из воды свои сети и поднять паруса.

Все это, конечно, не могло не вызвать подозрений. Мы тут же приступили к расследованию, и в первой же – и единственной – лодке, что нам удалось захватить, оказалась сеть, которой ловля сельди была запрещена. По закону расстояние в петле от узла до узла должно быть не меньше семи с половиной дюймов, меж тем как в сети, захваченной нами, узлы находились один от другого на расстоянии трех дюймов. Это было злостным нарушением закона, и мы арестовали двух находившихся в лодке рыбаков. Одного из них Нейл Партингтон взял на борт «Северного оленя», где тот должен был помочь нашему патрульному вести судно, а мы с Чарли, забрав с собой второго, ушли вперед на задержанном баркасе.

Меж тем сельдяная флотилия что есть духу понеслась к берегам Петалумы, и на всем пути через залив Сан-Пабло мы не увидели больше ни одного рыбака. Наш пленник, бронзовый от загара бородач грек, угрюмо сидел на своей сети, а мы вели его судно. То был новенький баркас с реки Колумбия для ловли лососей: видимо, впервые в плавании, – и управлять им было одно удовольствие. Наш пленник не произносил ни слова и, казалось, не замечал нас даже тогда, когда Чарли расхваливал его баркас, так что вскоре мы потеряли к нему всякий интерес, решив, что он крайне необщительный человек.

Мы прошли Каркинезский пролив и свернули в бухту у Тернерской верфи, где море было спокойнее. Там в ожидании груза пшеницы нового урожая стояло несколько английских парусников с железным корпусом, и там же, на том самом месте, где был задержан Большой Алек, мы внезапно наткнулись на ялик с двумя итальянцами, оснащенный «китайской лесой» для ловли осетров. Это стало полной неожиданностью как для них, так и для нас: не успели они и опомниться, как мы уже были рядом. У Чарли едва хватило времени привести к ветру и подвернуть к ним. Я побежал вперед и бросил конец, приказав, не мешкая, закрепить его. Один из итальянцев стал заматывать его на нагель, а я

поспешил убрать наш парус. Баркас рванулся назад, потащив за собой ялик.

Чарли пошел на нос, намереваясь перепрыгнуть на захваченное судно, но, когда я ухватился за трос, чтобы подтащить ялик поближе, итальянцы отдали конец. Нас тут же начало сносить под ветер, меж тем как они, достав две пары весел, повели свое легкое суденышко прямо против ветра. Этот маневр сперва обескуражил нас, ибо мы не могли надеяться догнать их на веслах в своей большой, тяжело нагруженной лодке. И вдруг на помощь пришел наш пленник. Его черные глаза засверкали, лицо загорелось от сдерживаемого волнения, когда он опустил выдвижной киль и, одним прыжком очутившись на носу, поставил парус.

– Не зря говорят, что греки не любят итальянцев, – смеясь, заметил Чарли и бросился на корму к румпелю.

Никогда прежде я не видел, чтобы один человек так страстно желал поймать другого, как наш пленник во время этой погони. Он был так возбужден, что его глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит, а ноздри неестественно трепетали и раздувались. Чарли правил рулем, а он – парусом, и хотя Чарли был скор и проворен, как кошка, грек с трудом сдерживал свое нетерпение. Итальянцы были отрезаны от берега – их отделяла самое меньшее добрая миля пути. Если бы они попытались держать прямо к берегу, то мы, следуя за ними при боковом ветре, догнали бы их прежде, чем они прошли восьмую часть этого расстояния. Нет, они были слишком благоразумны, чтобы сделать такую попытку, и продолжали энергично грести против ветра вдоль правого борта большого судна под названием «Ланкаширская королева». За кораблем в сторону противоположного берега тянулась открытая полоса воды шириной добрых две мили. Идти туда они тоже не осмеливались, ибо мы неминуемо нагнали бы их. Так что, когда они достигли носа «Ланкаширской королевы», им не оставалось ничего другого, как обогнуть его и направиться вдоль левого борта к корме, идя, таким образом, по ветру и оставляя преимущество за нами.

Мы в своем баркасе, держа круто к ветру, легли на другой галс и срезали нос кораблю. Чарли переложил руль под ветер, и мы пошли по левому борту «Королевы»; грек, ухмыляясь от удовольствия, потравил шкот. Итальянцы уже успели пройти половину длины корабля, но крепкий попутный бриз гнал нас куда быстрее, чем они могли двигаться на веслах. Мы подходили все ближе и ближе, и я, перейдя на нос, уже приготовился было зацепить ялик, как вдруг он нырнул под широкую корму «Ланкаширской королевы».

Погоня, собственно, началась заново. Итальянцы шли на веслах по правому борту корабля, а мы, держа в крутой бейдевинд, постепенно уходили от «Королевы», пытаясь выбраться на ветер. Потом ялик юркнул под нос корабля и пошел по его левому борту, а мы легли на другой галс, срезали нос кораблю и по ветру пустились за ними вдогонку. И снова только я потянулся к ялику, как он нырнул под корму корабля и был таков. И так мы делали круг за кругом, и каждый раз итальянцам удавалось – правда, едва-едва – ускользнуть от опасности.

Тем временем экипаж корабля узнал о том, что происходит, и мы увидели над собой длинный ряд зрителей, с интересом следивших за погоней. Всякий раз, когда мы упускали ялик у кормы, они орали от восторга и бросались к противоположному борту «Ланкаширской королевы», чтобы насладиться тем, как мы будем гнаться за яликом против ветра. Они забрасывали нас и итальянцев остротами и советами и так разозлили нашего грека, что он по крайней мере раз в каждом круге угрожающе потрясал кулаком. Они уже стали ждать этого жеста и встречали его бурным весельем.

– Как в настоящем цирке! – крикнул один из них.

– А еще сомневаются, есть ли на море ипподром! А это что, если не ипподром? – подтвердил второй.

– Шестидневные бега, ежели вам угодно, – возвестил третий. – Кто говорит, что итальяшки не выиграют?

На следующем повороте против ветра грек предложил Чарли поменяться местами.

– Позвольте мне вести лодку, – попросил он. – Уж я-то догоню их. Я их наверняка поймаю.

То был удар по профессиональной гордости Чарли, ибо он не раз хвалился своим умением вести парусное судно. Тем не менее он передал румпель пленнику и занял его место у паруса. Мы сделали еще три круга, и грек убедился, что не может выжать из своего баркаса большей скорости, чем это делал Чарли.

– Бросьте эту затею, – посоветовал сверху один из матросов.

Грек свирепо нахмурился и потряс кулаком на прежний манер. Меж тем моя голова лихорадочно работала, и в конце концов меня осенила неплохая идея.

– Сделаем еще один круг, Чарли, – сказал я.

И когда мы легли на другой галс и снова пошли против ветра, я привязал кусок троса к небольшому четырехлапому крюку, который лежал на дне баркаса. Второй конец я прикрепил к носовому рыму и, спрятав крюк, стал ждать случая пустить его в ход. Ялик снова ушел под ветер к левому борту «Ланкаширской королевы», и мы опять пустились по ветру вдогонку за яликом. Мы подходили к итальянцам все ближе, и я сделал вид, будто, как прежде, хочу поймать их. Корма ялика находилась от нас не более чем в шести футах, когда итальянцы, вызываясь засмеявшись, юркнули под корму корабля. В это мгновение я неожиданно выпрямился и метнул крюк. Расчет оказался верным: крюк зацепился за планшир ялика, и канат, натянувшись, вытащил маленькое суденышко из его убежища прямо к носу нашего баркаса.

Сверху, где столпились матросы, донесся стон сожаления, но тут же сменился криками восторга, ибо один из итальянцев достал длинный складной нож и перерезал канат. Но мы уже вытянули их из безопасного места, и Чарли, сидевший у шкота на корме, наклонился вперед и ухватился за корму ялика. Все это произошло в одну секунду: в то мгновение, когда первый итальянец отсекал канат, а Чарли уцепился за ялик, второй итальянец ударил его веслом по голове. Чарли выпустил добычу и, оглушенный ударом, свалился на дно нашей лодки, итальянцы же налегли на весла и исчезли за кормой корабля.

Грек, действуя одновременно румпелем и шкотом, продолжал погоню вокруг «Ланкаширской королевы», а я занялся Чарли, на голове у которого выросла ужасная шишка. Наши зрители матросы неистовствовали от восторга, и все, как один, подбадривали удиравших итальянцев. Чарли сел и, прижав руку к голове, недоуменно осмотрелся.

– Теперь-то уж я ни за что не позволю им уйти, – сказал он наконец, доставая револьвер.

Когда мы делали следующий круг, он пригрозил итальянцам своим оружием, но они продолжали невозмутимо грести, сохраняя превосходный темп и не обращая ни малейшего внимания на оружие.

– Если вы не остановитесь, я буду стрелять! – сурово крикнул Чарли.

Однако угроза не возымела действия; они отказались капитулировать даже тогда, когда несколько пуль пронеслось в непосредственной близости от них. Им не хуже нас было известно, что Чарли не станет стрелять в безоружных людей, и они по-прежнему упорно кружили вокруг корабля.

– В таком случае мы их загоняем! – воскликнул Чарли. – Они у нас попляшут! Мы из них все жилы вытянем!

Итак, погоня продолжалась. Еще двадцать раз мы заставили итальянцев обойти «Ланкаширскую королеву» и наконец увидели, что даже их железные мускулы сдают. Они уже выбивались из сил, и еще несколько кругов доконали бы их, если бы дело не приняло новый оборот. Всякий раз, идя против ветра, они имели перед нами преимущество, так что, когда подходили к середине «Ланкаширской королевы», мы были только у ее носа. В последний раз обогнув нос, мы увидели, что итальянцы быстро поднимаются по трапу, неожиданно опущенному с корабля. Этот ход был подстроен матросами, очевидно, с согласия капитана, ибо, когда мы подошли, трап был уже поднят, а ялик качался высоко в воздухе на судовых шлюпбалках.

Последовавший разговор с капитаном был короток и ясен. Капитан категорически запретил нам подняться на борт «Ланкаширской королевы» и наотрез отказался выдать итальянцев. К этому времени Чарли был так же взбешен, как и наш грек. Он не только потерпел неудачу в долгой и нелепой погоне, но вдобавок был оглушен ударом по голове, нанесенным улизнувшими от нас браконье-рами.

– Пусть меня повесят, – заявил он решительно, стукнув кулаком по ладони другой руки, – если эти двое удерут от нас! Я буду караулить их здесь до конца отпущенных мне дней, а если за это время не поймаю, обещаю, что все равно умру не раньше, чем сцапаю их, не будь я Чарли Ле Грант.

Так началась осада «Ланкаширской королевы», сохранившаяся в анналах истории как самих рыбаков, так и рыбацкого патруля. Когда «Северный олень» после бесплодного преследования сельдяной флотилии вернулся в Бенишу, Чарли попросил Нейла Партингтона выслать нам свою лососевую лодку, погрузив в нее одеяла, провизию и печку. Обмен лодками произошел перед заходом солнца, и мы попрощались с нашим греком, которому предстояло сесть в Бенише в тюрьму за то, что нарушил закон. Мы с Чарли после ужина и до рассвета попеременно несли четырехчасовые вахты. Этой ночью рыбаки не делали попыток удрать, но с корабля была выслана на берег лодка с разведывательной целью.

На другой день мы наладили регулярную осаду и уточнили свой план, не забыв о собственных удобствах. Хорошую службу нам сослужил док под названием «Соланская пристань», находившийся чуть пониже Бениши. Оказалось, что «Ланкаширская королева», берег у Тернерской верфи и Соланская пристань составляют углы большого равнобедренного треугольника. Одна сторона треугольника – расстояние от корабля до берега, которое могли бы покрыть итальянцы, равняется другой его стороне – расстоянию от Соланской пристани до берега, которое нам предстояло пройти так, чтобы не позволить итальянцам высадиться на берег. Но поскольку парусник идет намного быстрее гребного судна, то можно было разрешить итальянцам пройти половину их стороны треугольника, прежде чем пуститься в погоню по своей стороне. Если бы мы дали им возможность пройти больше половины пути, они добрались бы до берега раньше нас; опять-таки, пустись мы вдогонку, прежде чем они пройдут половину пути, им удастся укрыться от нас на корабле.

Мы заметили, что воображаемая линия, проведенная от конца пристани к ветряной мельнице, стоявшей немного дальше на берегу, делит ровно пополам ту сторону треугольника, по которой должны были идти к берегу итальянцы. Эта линия помогла нам определить, как далеко можно позволить им уйти, прежде чем пуститься в погоню. День за днем мы следили в бинокль, как итальянцы неторопливо гребли к точке на полпути, и стоило им выйти на одну линию с мельницей, как мы мигом вскакивали в свою лодку и ставили парус, но увидев, что мы готовы к погоне, они поворачивали и медленно шли назад к «Ланкаширской королеве», зная, что нам их не догнать.

На случай штиля, когда парусная лодка была бы бесполезна, у нас стоял наготове легкий ялик, оснащенный веслами с вогнутыми лопастями. Но в те дни, когда ветер падал, мы были вынуждены покидать пристань, как только

итальянцы отходили от корабля. Ночью же нам приходилось патрулировать в непосредственной близости от корабля, и тогда мы с Чарли несли вахту, сменяя друг друга каждые четыре часа. Однако итальянцы предпочитали для побега день, и наши ночные бдения были напрасны.

– Больше всего меня бесит, – сказал как-то Чарли, – то, что мы лишены заслуженного сна, меж тем как эти наглецы браконьеры безмятежно спят по ночам. Но они мне заплатят за все! – пригрозил он. – Я их продержу на этом корабле до тех пор, пока капитан не взыщет с них за квартиру и харчи! Это так же верно, как то, что осетр не сом!

Нам предстояло решить мучительно трудную задачу. Пока мы были начеку, итальянцы не могли удрать, но и нам не удалось бы поймать их, пока они соблюдают осторожность. Чарли совсем извелся, ломая себе голову над решением этой задачи, однако на сей раз смекалка ему изменила. Видимо, не было иного выхода, кроме как терпеливо ждать. Это была игра, и выиграть ее мог тот, у кого окажется больше терпения. Приятели итальянцев на берегу придумали целую систему сигнализации, с помощью которой легко переговаривались с ними, что особенно раздражало нас и ни на минуту не позволяло ослабить осаду. Кроме того, на Соланской пристани постоянно вертелись два-три подозрительного вида рыбака и шпионили за нами. Но нам ничего другого не оставалось, кроме как, по словам Чарли, «скрывать свои муки за улыбкой». Меж тем осада отнимала все наше время и не давала возможности заняться чем-нибудь другим.

Дни шли, но положение не менялось. Не потому, что итальянцы не делали никаких попыток его изменить. Как-то ночью их приятели с берега даже вышли на ялике в море, чтобы обмануть нас и помочь тем бежать. Попытка эта не удалась только потому, что блоки талей у шлюпбалок были плохо смазаны. Нас отвлек от погони за незнакомым яликом скрип шлюпбалок, и мы вернулись к «Ланкаширской королеве» в ту самую минуту, когда итальянцы спускали свой ялик на воду. На следующую ночь в темноте возле нас сновало целых шесть яликов, но мы прилипли к борту корабля, как пиявки, тем самым сорвав план рыбаков, так что под конец они разозлились и почем зря стали осыпать нас бранью. Чарли, сидя на дне лодки, смеялся про себя.

– Это хорошая примета, сынок, – сказал он мне. – Когда люди начинают браниться, значит, они потеряли терпение, а потеряв терпение, они вскоре теряют и голову. Помяни мое слово: если только мы продержимся, в один

прекрасный день они забудут осторожность, и тогда им крышка.

Но они не забывали осторожность, и Чарли признался, что это тот случай, когда все приметы врут. Терпение итальянцев, казалось, не уступало нашему, и столь же однообразно протекала вторая неделя осады, когда вдруг проснулась дремавшая смекалка Чарли и он придумал одну хитрость.

В Бенишу приехал новый, незнакомый рыбакам патрульный Питер Бойлен, и мы сделали его участником нашего плана. По мере сил своих мы старались сохранить нашу затею в тайне, но приятели итальянцев на берегу что-то заподозрили и велели осажденным глядеть в оба.

В ту ночь, когда мы намеревались осуществить свою уловку, мы с Чарли в гребной лодке, как обычно, заняли свое место у борта «Ланкаширской королевы». После того как совсем стемнело, Питер Бойлен вышел в море в неустойчивой, утлой лодчонке, такой, какую можно подхватить и унести под мышкой. Услышав, что он подходит, шумно ударяя веслами по воде, мы отошли на небольшое расстояние в темноту и остановились. Поравнявшись с «Ланкаширской королевой», Питер лихо окликнул стоявшего на вахте у якоря матроса и, спросив, где стоит «Шотландский вождь» – другое судно, ожидавшее груза пшеницы, – по неловкости опрокинул свою лодчонку. Человек, стоявший на вахте, сбежал по трапу вниз и вытащил Питера из воды. А ему только этого и нужно было: теперь он надеялся попасть на корабль, где в каюте согреется и высушит одежду, – однако капитан негостеприимно держал его на нижней ступеньке трапа; ноги его болтались в воде, и он так дрожал от холода, что мы не вытерпели, вышли из темноты и взяли его в нашу лодку. Шуточки и насмешки проснувшейся команды звучали в наших ушах как угодно, только не сладостно; даже оба итальянца влезли на поручень и смеялись над нами заливчато и злобно.

– Ничего, – сказал мне Чарли так тихо, что только один я расслышал, – я очень рад, что мы не смеемся первыми. Мы прибережем свой смех к концу, не правда ли, сынок?

Потом он похлопал меня по плечу, но мне показалось, что в его голосе больше решимости, чем надежды.

Мы могли, конечно, заручиться помощью полиции и взойти на борт английского корабля по распоряжению властей, но в инструкции Рыболовной комиссии было сказано, что патрульные должны избегать осложнений, и, вмешайся высшие власти, наш случай мог бы кончиться международным конфликтом.

Вторая неделя осады подходила к концу, но не было видно никаких признаков перемены обстановки. Все же утром четырнадцатого дня положение изменилось – притом самым неожиданным и удивительным образом – как для нас, так и для людей, которых мы так жаждали поймать.

Мы с Чарли возвращались к Соланской пристани, как обычно, после ночи в дозоре у борта «Ланкаширской королевы».

– Эй! – воскликнул Чарли в изумлении. – Во имя разума и здравого смысла скажи мне: что это? Видел ли ты когда-нибудь такое чудное судно?

Да, было чему удивляться, ибо на причале стоял баркас, подобного которому я и в самом деле никогда не встречал. Его, собственно, нельзя было назвать баркасом, но он походил на баркас больше, чем на какое-либо другое судно. Он был длиной семьдесят футов, но очень узкий и почти без всяких надстроек, отчего казался меньше, чем был в действительности. Сделан он был весь из стали и выкрашен в черный цвет. На середине высились в ряд на значительном расстоянии одна от другой с наклоном к корме три дымовых трубы; нос же, длинный и острый как нож, свидетельствовал о том, что судно строили с расчетом на большую скорость. Проходя мимо кормы, мы прочитали написанное на борту мелкими белыми буквами: «Стрела».

Мы с Чарли, сгорая от любопытства, через несколько минут уже были на борту и беседовали с механиком, который стоял на палубе и любовался восходом солнца. Он охотно удовлетворил наше любопытство, и мы скоро узнали, что «Стрела» пришла поздно вечером из Сан-Франциско, что этот переход можно считать пробным и что судно принадлежит Сайлесу Тейту, молодому миллионеру с калифорнийских рудников, который помешан на быстроходных яхтах. Потом заговорили о турбинных двигателях, о применении пара, об отсутствии поршней, штоков и кривошипов – словом, о таких вещах, в которых я ничего не смыслил, так как знал только парусные суда. Однако последние слова механика я отлично понял.

– Хотите верить, хотите нет, но мощь «Стрелы» – четыре тысячи лошадиных сил, а скорость – сорок пять миль в час! – с гордостью заключил он.

– Повторите это, дружище! Повторите! – взволнованно воскликнул Чарли.

– Четыре тысячи лошадиных сил и сорок пять миль в час! – добродушно усмехаясь, повторил механик.

– Где ее владелец? – воскликнул Чарли. – Могу я потолковать с ним?

– Боюсь, что нет, – покачав головой, ответил механик. – Он еще спит.

В эту минуту на палубу поднялся молодой человек в синей куртке и, пройдя к корме, стал глядеть на небо.

– Вот это и есть мистер Тейт, – сказал механик.

Чарли пошел на корму и заговорил с ним; он что-то с жаром рассказывал, и по выражению лица молодого владельца судна можно было судить, что рассказ его забавляет. Видимо, он спросил, какая глубина воды у берега возле Тернерской верфи, ибо я увидел, как Чарли жестами объяснял ему. Несколько минут спустя Чарли вернулся в превосходном настроении.

– Пошли, сынок, – сказал он мне. – Пошли на пристань. Теперь уж мы их не выпустим!

Нам здорово повезло в том, что мы сразу покинули «Стрелу», ибо почти тут же появился один из шпионивших за нами рыбаков. Мы с Чарли заняли свое обычное место на причале возле нашей лодки, чуть впереди от «Стрелы», откуда было удобно наблюдать за «Ланкаширской королевой». До девяти часов все было спокойно, потом мы увидели, что итальянцы отошли от корабля и по своей стороне треугольника направились к берегу. Чарли сидел с самым невозмутимым видом, но не успели они покрыть и четверти расстояния, как он взволнованно прошептал:

– Сорок пять миль в час... Им нет спасения... Они наши!

Итальянцы медленно гребли и уже были почти на одной линии с ветряной мельницей. В эту минуту мы обычно вскакивали в свою лодку и ставили парус; двое в ялике, ожидая, что мы и сейчас так поступим, видимо, удивились нашему бездействию.

Когда они оказались точно на линии с мельницей, на одинаковом расстоянии от берега и от корабля, ближе к берегу, чем мы позволяли им подойти до сих пор, у них возникли подозрения. Мы следили за ними в бинокль и увидели, как они встали в своем ялике, пытаясь догадаться, что мы собираемся делать. Озадачен был и шпион, сидевший рядом с нами на причале. Он не мог понять, почему мы не трогаемся с места. Итальянцы подошли еще ближе, снова поднялись и стали пристально всматриваться в берег, словно думали, что мы там спрятались. Тут на берегу появился какой-то человек и замахал платком, давая знать, что путь свободен. Тогда итальянцы решились: налегли на весла и ринулись вперед, но Чарли все еще выжидал. Только когда они прошли три четверти расстояния от «Ланкаширской королевы» и до берега осталось немногим больше четверти мили, Чарли хлопнул меня по плечу и крикнул:

– Попались! Попались!

Мы пробежали несколько шагов, отделявших нас от «Стрелы», и прыгнули к ней на борт. В одно мгновение были отданы носовые и кормовые концы, и «Стрела» стремительно понеслась вперед. Шпионивший за нами рыбак, который остался на пристани, выхватил револьвер и, не переводя дыхания, пять раз выстрелил в воздух. Итальянцы поняли, что их предостерегают, и как безумные пустились наутек.

Но если сказать, что они удирали как безумные, то какими словами можно описать наше движение? Мы буквально летели. С такой дикой скоростью мы рассекали воду, что за бортом с двух сторон вздымались тяжелые лавины, которые, пенясь, разбегались тремя могучими вертикальными волнами, а с кормы на нас алчно наседали огромный гребенчатый вал, готовый, казалось, в любую секунду обрушиться на судно и уничтожить его. «Стрела» дрожала, трепетала, рычала, как живое существо. Ветер, который мы поднимали, был подобен урагану – урагану со скоростью сорок пять морских миль в час. Мы не могли повернуться к нему лицом и едва переводили дыхание. Он относил выходящий из жерл труб дым прямо назад под прямым углом к движению судна. Мы мчались со скоростью экспресса. «Мы прямо-таки неслись стрелой», – говорил потом Чарли, и вряд ли подберешь слова, которые более точно описали

бы скорость нашего движения.

Что касается итальянцев в ялике, то мне казалось, что мы нагнали их, едва успев отойти от пристани. Конечно, пришлось умерить ход задолго до того, как мы подошли к ним, но все равно «Стрела» вихрем пронеслась мимо, и мы были вынуждены повернуть назад, описав дугу между ними и берегом. Итальянцы напряженно гребли, приподнимаясь над банкой при каждом ударе весел, до той самой минуты, когда мы промчались мимо них и они узнали нас с Чарли. Это их совершенно обескуражило, и от их воинственности и следа не осталось. Они мрачно вытащили свои весла из воды и позволили себя арестовать.

– Все это так, Чарли, – сказал Нейл Партингтон, когда мы потом на пристани поведали ему о нашей победе, – но я не понимаю, в чем проявилась твоя хваленая смекалка на этот раз.

Однако Чарли остался верен своему коньку.

– Смекалка? – переспросил он, указывая на «Стрелу». – Взгляни-ка на это судно! Ты только взгляни! Уж если изобретение такого судна не результат смекалки, тогда что это такое, хотел бы я знать? Конечно, – добавил он, – на этот раз смекалка не моя, но свое дело она сделала.

Уловка Чарли

Быть может, свой самый смешной и в то же время самый опасный подвиг наш рыбачий патруль совершил в тот день, когда мы одним махом захватили целую ораву разъяренных рыбаков.

Чарли называл эту победу богатым уловом, и хотя Нейл Партингтон говорил о хитрой уловке, я думаю, Чарли не видел тут разницы, считая, что оба слова означают «выловить», «захватить». Но будь то уловка или улов, а эта схватка с рыбаками стала для них настоящим Ватерлоо, ибо то было самое тяжелое поражение, какое когда-либо нанес им рыбачий патруль, – и поделом: ведь они открыто и нагло нарушили закон.

Во время так называемого открытого сезона рыбаки имеют право ловить столько лососей, сколько им посчастливится встретить или сколько влезет в их лодки, однако с одним существенным ограничением. С заката солнца в субботу и до восхода в понедельник ставить сети не разрешается. Таково мудрое постановление Рыболовной комиссии, ибо во время нереста необходимо дать лососям возможность подниматься в реку, где они мечут икру. И этот закон, кроме одного-единственного раза, всегда строго соблюдался греческими рыбаками, ловившими лосось для консервных заводов и продажи на рынке.

Как-то в воскресное утро приятель Чарли сообщил нам по телефону из Коллинсвилла, что весь рыбацкий поселок вышел в море и ставит сети. Мы с Чарли тотчас вскочили в лодку и отправились на место происшествия. С легким попутным ветерком мы прошли Каркинезский пролив, пересекли Суисунскую бухту, обогнули маяк Шип-Айленд и увидели всю рыболовецкую флотилию за работой.

Но прежде всего позвольте мне объяснить, каким способом они ловили рыбу. Они ставили так называемые жаберные сети. Это простые сети с ромбовидными петлями, в которых расстояние между узлами должно быть не больше семи с половиной дюймов. Такие сети бывают от пятисот до семисот и даже восьмисот футов длины, а ширина их всего несколько футов. Они не закрепляются на одном месте, а плывут по течению, причем верхний край держится на воде с помощью поплавков, а нижний тянут ко дну свинцовые грузила.

Благодаря такому устройству сеть стоит вертикально поперек течения и пропускает в реку только самую мелкую рыбешку. Лососи плывут обычно поверху и попадают головой в петли, но из-за своей толщины не могут проскользнуть сквозь сеть, а назад их не пускают жабры, которые цепляются за петли. Чтобы поставить такую сеть, нужны всего два рыбака: один гребет, а другой, стоя на корме, осторожно закидывает сеть в воду. Растянув всю сеть поперек реки, рыбаки привязывают один ее конец к лодке и плывут вместе с ней по течению.

Когда мы приблизились к нарушившим закон рыбакам – их сети были заброшены на расстоянии двухсот-трехсот ярдов друг от друга, а река, на сколько хватал глаз, была сплошь усеяна лодками, – Чарли сказал:

– Одно досадно, парень, что у меня не тысяча рук, чтобы захватить их всех сразу. А так больше одной лодки нам не поймать: пока мы будем с ней возиться,

остальные выберут сети и удерут.

Мы подошли поближе, но не заметили ни беспокойства, ни суматохи, которые неизменно вызывало наше появление. Напротив, все лодки спокойно оставались возле своих сетей, и рыбаки не обращали на нас ни малейшего внимания.

– Странно, – пробормотал Чарли. – Может, они нас не узнали?

Я ответил, что этого быть не может, и Чарли согласился со мной. Перед нами растянулась целая флотилия, которой управляли люди, как нельзя лучше знавшие нас, а между тем они смотрели на нашу лодку так равнодушно, как будто мы были какой-нибудь шаландой с сеном или увеселительной яхтой.

Однако картина несколько изменилась, когда мы направились к ближайшей сети: ее владельцы отвязали свою лодку и стали потихоньку грести к берегу, – но остальные рыбаки по-прежнему не проявляли никаких признаков беспокойства.

– Право, забавно, – заметил Чарли. – Во всяком случае, мы можем конфисковать сеть.

Мы убрали парус, схватили конец сети и принялись тянуть ее в лодку, но стоило взяться за сеть, как мимо просвистела пуля и щелкнула по воде, а вдали прокатился ружейный выстрел. Уплывшие на берег рыбаки стреляли в нас. Мы снова взялись за сеть, и снова просвистела пуля, на этот раз угрожающе близко. Чарли зацепил конец сети за уключину и сел: выстрелы прекратились, – но только взялся за сеть, опять началась стрельба.

– Ничего не попишешь, – сказал он, выбрасывая за борт конец сети. – Вам, ребята, видно, сеть нужна больше, чем нам, так получайте ее.

И мы поплыли к следующей лодке: Чарли хотел выяснить, действительно ли перед нами организованное нарушение закона.

Когда мы подошли поближе, сидевшие в лодке рыбаки тоже отвязали свою сеть и двинулись к берегу, а первые двое вернулись и привязали лодку к брошенной нами сети. Но только мы взялись за вторую сеть, на нас опять посыпались пули,

и стрельба прекратилась, лишь когда мы отступили; у третьей лодки повторилась та же история.

Потерпев полное поражение, мы прекратили свои попытки, поставили парус, легли на длинный наветренный галс и двинулись обратно в Бенишу. Прошло еще несколько воскресений, и каждый раз рыбаки открыто нарушали закон. Без помощи вооруженных солдат мы ничего не могли с ними поделать. Рыбакам пришлось по душе их новая выдумка, и они пользовались ею вовсю, а мы не знали, как справиться с ними.

К этому времени Нейл Партингтон вернулся из Нижней бухты, где пробыл несколько недель. С ним был и Николас, юноша грек, который участвовал в набеге на устричных пиратов, и они оба решили помочь нам. Мы тщательно обдумали план действий и договорились, что они устроят засаду на берегу и, когда мы с Чарли начнем вытаскивать сети, захватят рыбаков, которые выйдут из лодки и начнут нас обстреливать.

План был очень хорош: даже Чарли его одобрил, – однако греки оказались куда хитрее, чем мы думали. Они нас опередили, устроили сами засаду на берегу и захватили в плен Нейла и Николаса, а когда мы с Чарли попытались забрать сети, вокруг нас засвистели пули, как и в прошлый раз. Нам снова пришлось отступить, и тогда рыбаки тотчас отпустили Нейла и Николаса. Они вернулись к нам очень сконфуженные, и Чарли безжалостно высмеял их. Но Нейл тоже не остался в долгу и язвительно спрашивал у Чарли, куда девалась его хваленая смекалка и как это он до сих пор ничего не придумал.

– Дай срок, придумаю, – обещал Чарли.

– Все может быть, – соглашался Нейл, – но боюсь, что к тому времени лососей совсем не останется и твоя смекалка будет ни к чему.

Нейл Партингтон, весьма раздосадованный происшедшим, снова отправился в Нижнюю бухту, прихватив с собой и Николаса, а мы с Чарли снова остались одни. Это значило, что воскресная ловля будет идти своим чередом, по крайней мере до тех пор, пока Чарли не придет в голову какая-нибудь счастливая идея. Я тоже ломал себе голову, стараясь придумать, как бы изловить греков, и мы составляли тысячу планов, которые на поверку никуда не годились.

Греки же ходили, задрав нос, хвастались направо и налево своей победой, и это еще больше унижало нас. Вскоре мы заметили, что среди рыбацкого населения наш авторитет явно упал. Мы были побеждены, и рыбаки потеряли к нам уважение. А с потерей уважения начались и дерзости. Чарли прозвали старой бабой, а меня окрестили сосунком. Положение становилось невыносимым, и мы чувствовали, что должны нанести грекам решительный удар, дабы вновь поднять свой авторитет на прежнюю высоту.

Как-то утром нам наконец пришла в голову счастливая мысль. Мы были на пристани, где останавливаются речные пароходы, и увидели толпу грузчиков и зевак, теснившихся вокруг какого-то парня с заспанным лицом, в высоких морских сапогах, который развлекал их, рассказывая о своих злоключениях. Этот рыболов-любитель, по его словам, ловил возле Беркли рыбу для продажи на местном рынке. Беркли находится в Нижней бухте, за тридцать миль от Бениши. Прошлой ночью он закинул сеть и незаметно задремал на дне своей лодки. Проснулся он уже утром и, когда продрал глаза, увидел, что его лодка тихонько ударяется о причал паровой пристани в Бенише, а перед ним торчит пароход «Апаш», и два матроса снимают обрывки его сети с парового колеса. Словом, когда он заснул, фонарь на его лодке потух, и «Апаш» прошел прямо по его сети. Хотя сеть и разорвалась в клочья, однако накрепко зацепилась за колесо и тридцать миль тащила лодку за собой.

Чарли подтолкнул меня локтем в бок. Я сразу понял его мысль, но возразил:

– Мы не можем нанять пароход.

– Я и не собираюсь, – ответил он. – Но давай-ка сходим на Тернерскую верфь. У меня есть одна мыслишка – авось нам пригодится.

И мы отправились на верфь, а там Чарли повел меня к «Мэри-Ребекке», вытасченной из воды на слип для чистки и ремонта. Мы оба хорошо знали эту плоскодонную посудину: она поднимала сто сорок тонн груза, а такой большой парусности не было ни у одной шхуны во всем заливе.

– Как дела, Оле? – крикнул Чарли здоровенному шведу в синей рубашке, который смазывал усы грота-гафеля свиным жиром.

Оле что-то промычал и продолжил дымить трубкой, не отрываясь от работы. Капитану шхуны, которая ходит по заливу, приходится работать не покладая рук, не меньше своих матросов.

Оле Эриксен подтвердил догадку Чарли: как только ремонт будет закончен, «Мэри-Ребекка» отправится вверх по реке Сан-Хоакин в Стоктон за пшеницей. Тогда Чарли высказал свою просьбу, но Оле Эриксен решительно покачал головой.

– Всего один крюк, один крепкий крюк, – уговаривал Чарли.

– Нет, это я не могу, – отвечал Оле Эриксен. – «Мэри-Ребекка» с такой крюк будет цеплять каждый чертов мель. Я не желал потерять «Мэри-Ребекка». Это все, что я имел.

– Да нет же, нет, – уверял его Чарли. – Мы просунем конец крюка сквозь дно и закрепим его внутри гайкой. Когда мы покончим с нашим делом, нам останется только спуститься в трюм, вывинтить гайку и вытолкнуть крюк. Потом мы вставим в отверстие деревянную затычку, и твоя шхуна будет в полном порядке.

Оле Эриксен долго упирался, но мы угостили его хорошим обедом и в конце концов уломали.

– Ну, валяйте, разрази вас гром! – сказал он, стукнув огромным кулачищем себя по ладони. – Но поторопитесь с этот крюк. «Мэри-Ребекка» пошел на воду сегодня в ночь.

Была суббота, и Чарли следовало поспешить. Мы отправились в кузницу при верфи, где по указанию Чарли нам выковали огромный, сильно изогнутый стальной крюк. Затем мы поскорее вернулись к «Мэри-Ребекке». Чуть позади большого килевого колодца, через который проходит выдвижной киль, мы пробуравили дыру. Я вставил в нее снаружи крюк, а Чарли изнутри прочно закрепил его гайкой. Когда мы кончили работу, крюк торчал на фут из днища шхуны. Он был изогнут в виде серпа, но еще круче.

К вечеру «Мэри-Ребекка» была спущена на воду и все приготовления к отплытию закончены. Чарли и Оле пристально всматривались в вечернее небо, стараясь угадать, будет ли завтра ветер: без хорошего бриза наш план был обречен на

провал. Они оба пришли к заключению, что все приметы предсказывают сильный западный ветер – не обычный дневной бриз, а почти шторм, который уже начал разыгрываться.

Наутро их предсказания подтвердились. Солнце ярко светило, но в Каркинезском проливе завывал штормовой ветер, и «Мэри-Ребекка» вышла под двумя рифами на гроте и одним на фоке. В проливе и в Суисунской бухте нас сильно потрепало, но вскоре мы вошли в более защищенное место и стало тише, хотя ветер по-прежнему хорошо наполнял паруса.

Миновав маяк Шип-Айленд, мы отдали рифы; по распоряжению Чарли большой рыбачий стаксель был изготовлен к подъему, а грота-топсель, пришнурованный у топа мачты, был разобран так, что мы могли поставить его в любую минуту.

Мы быстро шли фордевинд, неся паруса бабочкой, стаксель на правом борту и грот на левом, и вскоре увидели впереди флотилию рыбаков. Как и в то воскресенье, когда им удалось впервые провести нас, вся река, на сколько хватал глаз, была усеяна их лодками и сетями. У правого берега они оставили узкий проход для судов, а вся остальная поверхность воды была сплошь покрыта широко растянутыми сетями. Нам, конечно, следовало бы войти в этот проход, но Чарли, стоявший у руля, направил «Мэри-Ребекку» прямо на сети. Однако это не вызвало тревоги среди рыбаков, ибо суда, идущие вверх по реке, ставят обычно на конце киля так называемые башмаки, которые скользят по сетям, не зацепляя их.

– Готово дело! – крикнул Чарли, когда мы быстро пересекли длинный ряд поплавок, отмечавших край сети. На одном конце этого ряда плавал маленький бочонок – буюк, а на другом была лодка с двумя рыбаками. Бочонок и лодка вдруг начали быстро сближаться, а рыбаки, увидев, что мы тащим их за собой, принялись громко кричать. Две-три минуты спустя мы зацепили вторую сеть, за ней третью и, двигаясь посередине флотилии, цепляли на крюк одну сеть за другой.

Потрясенные рыбаки смотрели на нас в полном смятении. Как только мы цепляли сеть, оба ее конца, буюк и лодка, сближались и неслись за нашей кормой, и вся эта стая лодок и буйков мчалась за нами с такой головокружительной быстротой, что рыбаки едва успевали управляться с лодками, стараясь не разбиться друг о друга. Греки орали что есть мочи, требуя, чтобы мы остановили судно; они думали, что это веселая шутка подвыпивших

матросов, им и в голову не приходило, что на шхуне рыбачий патруль.

Даже одну сеть тащить нелегко, и Чарли с Оле Эриксеном решили, что, несмотря на попутный ветер, «Мэри-Ребекке» не справиться больше чем с десятью сетями, поэтому, подцепив десяток сетей и волоча за собой десять лодок с двадцатью рыбаками, мы свернули влево, оставив позади флотилию, и направились в Коллинсвилл.

Мы ликовали. Чарли так гордо стоял у руля, как будто вел домой победившую на гонках яхту. Два матроса, составлявшие весь экипаж «Мэри-Ребекки», потешались и скалили зубы. Оле Эриксен потирал свои ручищи с детской радостью.

– Я думал, ваш рыбачий патруль никогда не имел такой удача, как на шхуне Оле Эриксена, – сказал он, как вдруг за кормой хлопнул выстрел, прожужжала пуля, чиркнула по свежевыкрашенной обшивке каюты и, ударившись о гвоздь, со свистом отскочила в сторону.

Для Оле Эриксена это было уже слишком: увидев, что ему испортили новенькую обшивку, он вскочил и погрозил рыбакам кулаком, – но тут вторая пуля угодила в стенку каюты, в шести дюймах от его головы, и он поскорей растянулся на палубе, укрывшись за бортом.

У всех рыбаков были ружья, и теперь они принялись палить все разом. Мы попрятались кто куда, даже Чарли пришлось бросить штурвал. Если бы не тяжелые сети за кормой, мы наверняка попали бы в руки разъяренных рыбаков. Но сети, прочно зацепившиеся за днище «Мэри-Ребекки», тащили ее корму на ветер, и она по-прежнему держала курс, хотя и не очень точно.

Лежа на палубе, Чарли мог дотянуться до нижних спиц рулевого колеса, но управлять шхуну таким способом было крайне неудобно. Тут Оле Эриксен припомнил, что в трюме у него лежит большой стальной лист. Это был кусок бортовой обшивки «Нью-Джерси»: пароход недавно потерпел крушение возле Золотых Ворот, и «Мэри-Ребекка» принимала участие в его спасении.

Два матроса, Оле и я осторожно проползли по палубе и притащили тяжелый стальной лист наверх, а затем поставили его на корме как щит, загородив штурвал от рыбаков. Пули щелкали и звенели, ударяясь о гудевший как колокол

щит, но Чарли только посмеивался в своем укрытии и спокойно правил рулем. И так мы мчались вперед: за кормой – орава вопивших от ярости греков, впереди – Коллинсвилл, а вокруг рой свистевших пуль.

– Оле, – сказал вдруг Чарли упавшим голосом, – я не знаю, что нам теперь делать.

Оле лежал на спине у самого борта и усмехался, глядя в небо; затем он повернулся на бок и взглянул на Чарли.

– Я думал, мы будем идти в Коллинсвилл, как хотел раньше, – ответил он.

– Но мы не можем там остановиться, – простонал Чарли. – Я никак не ожидал, что мы не сможем остановиться.

Широкое лицо Оле Эриксона выразило полную растерянность.

Увы, это была правда. За спиной у нас осиное гнездо, а остановиться в Коллинсвилле – значит сунуть в это гнездо голову.

– У каждого чертова грека ружье, – весело сказал один из матросов.

– Да еще нож в придачу, – отозвался второй.

Теперь уже застонал Оле Эриксен.

– И зачем только шведский человек, как я, совать свой нос в чужие дела, будто обезьяна! – пробормотал он себе под нос.

Пуля щелкнула по корме и пролетела над правым бортом, жужжа, как разозленная пчела.

– Остается только пристать к берегу, бросить «Мэри-Ребекку» и удрать, – сказал веселый матрос.

– Бросать «Мэри-Ребекку»? – воскликнул Оле Эриксен с непередаваемым ужасом в голосе.

– Дело ваше, – отозвался тот. – Только я хотел бы оказаться за тысячу миль отсюда, когда эти парни взберутся на борт. – И он указал на беснующихся греков, которых мы продолжали тащить за собой.

Мы как раз поравнялись с Коллинсвиллом и, вспенивая воду, прошли так близко от пристани, что до нее можно было добросить камень.

– У меня одна надежда, что ветер продержится, – сказал Чарли, украдкой поглядывая на наших пленников.

– А что нам ветер? – уныло спросил Оле. – Скоро по река нельзя пройти, и тогда... тогда...

– Тогда мы заберемся в глухие места и попадем в лапы грекам, – добавил веселый матрос, пока Оле раздумывал над тем, что случится, когда мы дойдем до истока реки.

Мы подошли к тому месту, где река расходилась на два рукава. Налево было устье реки Сакраменто, а направо – устье реки Сан-Хоакин. Веселый матрос прополз вперед и перебросил фок, а Чарли взял право руля, и мы свернули направо. Попутный ветер, который гнал нас вперед на ровный киль, теперь задул справа по борту, и «Мэри-Ребекка» так резко накренилась влево, что, казалось, вот-вот опрокинется.

Но мы все так же мчались вперед, а рыбаки неслись за нами. Стоимость их сетей была значительно выше штрафов, которые с них брали за нарушение законов о рыбной ловле, и потому, хотя им ничего не стоило отвязать свои лодки и удрать, они на этом ничего бы не выгадали. Кроме того, они не бросали свои сети инстинктивно, как моряк не бросает свой корабль. Но главное, в них все росла жажда мести, и мы могли быть уверены, что они последуют за нами хоть на край света, если нам вздумается тащить их в такую даль.

Стрельба прекратилась, и мы отважились выглянуть за корму, посмотреть, что делают наши пленники. Их лодки следовали за нами на разных расстояниях друг от друга, но четыре передние выровнялись и шли рядом. Передняя лодка, видно,

бросила с кормы конец той, что шла за ней. Лодки ловили концы, отделялись от своих сетей и подтягивались друг к другу, пока не стали в одну линию, однако мы шли с такой скоростью, что произвести этот маневр было очень нелегко. Порой, несмотря на все усилия, им не удавалось подтянуться ни на дюйм, но иногда они двигались довольно быстро.

Когда четыре лодки сблизилась настолько, что из одной в другую мог перебраться человек, из трех задних лодок перешло в переднюю по одному греку, и каждый захватил с собой ружье. Таким образом в передней лодке собралось пять человек, и мы сразу поняли, что они намереваются взять нас на бордаж. Но, чтобы осуществить свое намерение, им надо было изрядно потрудиться: приходилось подтягиваться за веревку с поплавками, все время перехватывая руки. И все же, хотя они двигались очень медленно и часто останавливались передохнуть, им удавалось потихоньку подбираться к нам все ближе и ближе.

Чарли улыбался, глядя на их усилия.

– Поставь-ка топсель, Оле! – сказал он.

Под свист пуль шнуровка на топе мачты была разорвана, шкот и галс оттянуты втугую, и «Мэри-Ребекка», сильно накренившись, понеслась еще быстрее.

Но греки не сдавались. Не в силах при такой скорости подтягивать лодку вручную, они сняли блоки со своих парусов и соорудили то, что моряки называют «хваттали». Один из рыбаков, лежа на носу лодки, свешивался как можно дальше за борт и, пока товарищи держали его за ноги, прикреплял блок к натянутому краю сети. Затем они все вместе тянули за тали, пока блоки не сходились, и снова повторяли этот маневр.

– Придется отдать стаксель! – сказал Чарли.

Оле Эриксен посмотрел на дрожавшую от напряжения «Мэри-Ребекку» и, покачав головой, сказал:

– Тогда вылетят мачты.

– А иначе мы вылетим со шхуны, – возразил Чарли.

Оле с тревогой взглянул на мачты, потом на лодку с вооруженными греками и согласился.

Пятеро греков столпились на носу – место опасное, когда лодка идет на буксире. Я наблюдал, что станется с их лодкой, когда мы поставим большой рыбачий стаксель: он несравнимо больше марсея и ставится только при легком бризе. Когда «Мэри-Ребекка» стремительно рванулась вперед, лодка зарылась носом в воду, а люди, цепляясь друг за друга как безумные, бросились на корму, спасая лодку от гибели.

– Это охладит их пыл! – заметил Чарли, но я видел, что он с тревогой следит за ходом «Мэри-Ребекки», которая несла гораздо больше парусов, чем ей было под силу.

– Следующая остановка – Антиох! – возвестил веселый матрос на манер железнодорожного кондуктора. – А за ней Мериуэзер.

– Поди-ка сюда поскорей, – позвал меня Чарли.

Я подполз к нему и стал рядом под защитой стального листа.

– Засунь руку мне в карман и достань записную книжку, – сказал он. – Так. Теперь вырви чистый листок и напиши то, что я скажу.

И я написал:

«Позвоните в Мериуэзер шерифу, констеблю или судье. Сообщите, что мы идем к ним. Пусть поднимут на ноги весь город, вооружат людей и приведут на пристань, иначе нам какюк».

– Теперь сложи бумажку, привяжи к свайке и стой тут наготове, чтобы бросить на берег.

Я сделал все, как он сказал. Тем временем мы подошли к Антиоху. Ветер выл в наших снастях, и «Мэри-Ребекка», почти опрокинувшись набок, неслась вперед, как быстроходное океанское судно. Моряки на берегу Антиоха, увидев, что мы поставили марсель и стаксель – безрассудный маневр при таком ветре, – поспешили на пристань и стояли у причала, стараясь понять, в чем дело.

Не убавляя хода, мы подошли так близко к берегу, что любой из нас мог бы спрыгнуть на пристань. Тут Чарли дал мне знак, и я бросил свайку. Она громко стукнулась о дощатый настил, отскочила на пятнадцать-двадцать футов и была подхвачена пораженными зрителями.

Все это произошло в мгновение ока, в следующий миг Антиох остался позади и мы уже неслись по Сан-Хоакину к Мериуэзеру, лежавшему в шести милях вверх по течению. Река повернула на восток, и мы снова мчались по ветру, поставив паруса бабочкой и перекинув стаксель на правый борт.

Оле Эриксен, казалось, погрузился в глубокое отчаяние. Чарли и двое матросов, напротив, не теряли надежды и, видимо, не без основания. В Мериуэзере жили главным образом углекопы, и можно было ожидать, что в воскресный день все они в городе. К тому же углекопы никогда не питали особой любви к греческим рыбакам, и мы могли быть уверены, что они окажут нам горячую поддержку.

Мы напряженно всматривались в даль, стараясь разглядеть город, и, как только увидели его, почувствовали огромное облегчение. Причалы были черны от народа.

Подойдя поближе, мы увидели, что люди все прибывают, спускаясь бегом по главной улице, с ружьями в руках или за плечом. Чарли оглянулся на рыбаков, и в глазах его мелькнуло самодовольство победителя, которого я прежде у него не замечал. Греки были ошеломлены, увидев вооруженную толпу, и попрятали свои ружья.

Мы убрали топсель и стаксель, потравили грота-фал и, поравнявшись с главной пристанью, перекинули грот. «Мэри-Ребекка» повернулась к ветру, лодки пленных рыбаков описали за ней широкую дугу и, когда мы, замедлив ход, отдали концы и пришвартовали к пристани, догнали нас. Мы причалили под радостные крики возбужденных углекопов.

У Оле Эриксона вырвался вздох облегчения,

– Я уже думал, никогда не увижу своя жена, – сознался он.

– Почему? Нам не грозила никакая опасность, – возразил Чарли.

Оле недоверчиво посмотрел на него.

– Конечно, не грозила, – подтвердил Чарли. – Мы могли в любую минуту выбросить крюк, что я сейчас и сделаю, и греки забрали бы свои сети.

Он спустился в трюм с гаечным ключом, отвинтил гайку, и крюк выпал в воду. Когда греки вытащили сети и привели лодки в порядок, мы передали их с рук на руки отряду вооруженных граждан, и они проследовали в тюрьму.

– Я, кажется, валял большой дурак, – сказал Оле Эриксен.

Но он изменил свое мнение, когда восхищенные жители города столпились на борту, чтобы пожать ему руку, а несколько бойких репортеров принялись фотографировать «Мэри-Ребекку» и ее капитана.

Деметриос Контос

Из того, что я рассказывал о греках-рыбаках, вовсе не следует, что все они были преступниками. Отнюдь нет. Это были суровые люди, которые жили обособленными колониями и в борьбе со стихиями добывали свой хлеб насущный. Они не признавали закона и, считая его насилием и произволом, не понимали, зачем он нужен. Особенно тираническим казался им закон о рыбной ловле. И в нас, рыбацких патрульных, они, естественно, видели своих врагов.

Мы угрожали их жизни и мешали добывать пропитание, что, в сущности, одно и то же. Мы конфисковали их браконьерские сети и снасти, изготовление которых стоило им немало денег и требовало нескольких недель работы. Много раз в году, а порой и на целый сезон, мы запрещали им ловить рыбу, лишая заработка, какой они могли бы иметь, если бы нас не существовало. А когда они попадались

нам в руки, мы предавали их суду, где с них взымали большой денежный штраф. Вот почему они нас ненавидели и радовались случаю нам отомстить. Патрульный – такой же естественный враг рыбака, как собака – кошки, а змея – человека.

Но пусть читатель не думает, что рыбаки умели только люто ненавидеть; нет, они были способны и на благородные поступки, в доказательство чего я и хочу рассказать историю о Деметриосе Контосе. Деметриос Контос жил в Вальехо. После Большого Алека он был самым сильным, самым отважным и самым влиятельным человеком среди греков. Он ничем не беспокоил нас и вряд ли когда-нибудь столкнулся бы с нами, не обзаведись новой лодкой для ловли лосося. Она-то и стала причиной всех бед. Деметриос сделал ее по собственному образцу, слегка изменив очертания обычной лососевой лодки.

К его великому восторгу оказалось, что новая лодка очень быстроходна, быстроходнее всех лодок в заливе и впадающих в него реках. С той поры Деметриоса обуяли спесь и хвастливость. И когда нам с помощью «Мэри-Ребекки» удалось хорошенько припугнуть рыбаков, занимавшихся ловлей лосося в воскресенье, он послал в Бенишу вызов, который передал нам один из местных рыбаков. Смысл вызова был такой: в следующее воскресенье Деметриос Контос выйдет из Вальехо, закинет сеть на самом виду у Бениши и будет ловить лосося, а патрульный Чарли Ле Грант пусть придет и поймает его, если сможет. Разумеется, мы с Чарли тогда ничего не знали о новой лодке Контоса. Наша же собственная была довольно быстроходной, и мы не боялись помериться силой с любой другой.

Настало воскресенье. Слух о вызове не замедлил распространиться: рыбаки и моряки Бениши все, как один, пришли на пароходную пристань, так что она стала похожа на центральную трибуну во время футбольного матча. Мы с Чарли были настроены весьма скептически, но, увидев на пристани такую толпу, поняли, что Деметриос Контос полез на рожон не зря.

После полудня, когда морской бриз набрал силу, на горизонте показался парус судна, идущего на фордевинд. Футах в двадцати от пристани судно сделало поворот, и перед толпой предстал Деметриос Контос. Театральным жестом, словно рыцарь перед состязанием на турнире, он приветствовал восхищенных зрителей, встретивших его возгласами одобрения, и остановился в двухстах ярдах от берега. Потом он спустил парус, лег в дрейф по ветру и стал закидывать сеть. Он закинул ее не всю, а футов пятьдесят, не больше, однако

нас с Чарли как громом поразила наглость рыбака. Тогда мы еще не знали – это стало нам известно позже, – что сеть была старой и негодной. Она могла задержать рыбу, но сколько-нибудь значительный улов разорвал бы ее на куски.

– Признаться, я ничего не понимаю, – пожав плечами, заметил Чарли. – Пусть он закинул всего пятьдесят футов сети, что из этого? Ему все равно ее не вытащить, если мы двинемся за ним. И зачем он вообще явился сюда и нагло попирает закон у нас на глазах? Да еще у самого города, в котором мы живем.

В голосе Чарли слышались нотки обиды, и он несколько минут продолжал горячо возмущаться бесстыдством Деметриоса Контоса.

Тем временем человек, о котором шла речь, сидел развалившись на корме своей лодки и следил за поплавками. Когда в жаберную сеть попадает большая рыба, поплавки, приходя в движение, тотчас дают об этом знать. По-видимому, так случилось и сейчас, потому что Деметриос вдруг вытянул из воды футов двенадцать сети и, прежде чем бросить в лодку, поднял кверху крупного, с блестящей чешуей лосося. Зрители на пристани наградили его троекратным «ура!». Тут уж Чарли не вытерпел.

– Пошли, сынок! – обратился он ко мне.

Не теряя времени, мы вскочили в свою лодку и поставили парус. Толпа громко закричала, предостерегая Деметриоса, и когда мы стремительно понеслись вперед, то увидели, как он отсек свою сеть длинным ножом. Парус на его лодке был мигом поднят и вскоре заполоскал на ветру в солнечном свете. Рыбак бросился к корме, выбрал шкоты и лег на длинный галс курсом к Контра-Косте.

К этому времени мы были уже не больше чем в тридцати футах от его кормы. Чарли ликовал. Он знал, что наша лодка быстроходна, и не сомневался, что не много найдется людей, способных сравниться с ним в умении вести лодку. Он был уверен, что мы поймем Деметриоса, и я разделял его уверенность, однако судьба, видимо, решила иначе.

Дул попутный ветер. Мы мягко скользили по воде, но Деметриос не спеша все больше и больше удалялся от нас. Он не только шел быстрее, но держал к ветру на какую-то долю румба круче, чем мы. Это особенно поразило нас, когда он сделал поворот, минуя Контра-Косту, и, пройдя мимо нас на другом галсе,

оказался на добрую сотню футов впереди с наветренной стороны.

– Вот это да! – воскликнул Чарли. – Одно из двух: либо его лодка чудо из чудес, либо к нашему килю привязали пятигаллонный бочонок с каменноугольной смолой!

Третьей причины, видимо, быть не могло. А к тому времени, когда Деметриос прошел мимо гор Сонома, расположенных по другую сторону залива, мы так безнадежно отстали, что Чарли велел мне потравить шкот, и мы двинулись назад, к Бенише. Когда мы, возвратившись, ставили нашу лодку на прикол, рыбаки с пароходной пристани осыпали нас градом насмешек. Мы с Чарли ушли, чувствуя себя в дураках, ибо когда считаешь, что у тебя отличная лодка и ты умеешь ее вести, а является кто-то другой и обставляет тебя, это не может не быть ударом по самолюбию.

Несколько дней Чарли был как во сне; потом, как и в прошлый раз, нам сообщили, что в следующее воскресенье Деметриос Контос повторит свое представление. Чарли мигом пробудился. Вытащив нашу лодку из воды, очистил и заново выкрасил днище, что-то изменил в конструкции выдвигного кия, переосновал бегучий такелаж и почти всю ночь под воскресенье шил новый, намного больший, чем прежний, парус. Чарли сделал его таким большим, что понадобился добавочный балласт, и мы уложили на дно нашей лодки старый железный рельс весом почти в пятьсот фунтов.

Пришло воскресенье, а вместе с ним явился и Деметриос Контос, чтобы вновь открыто, среди бела дня, нарушить закон. Опять дул послеполуденный бриз, и опять Деметриос Контос забросил футов сорок-пятьдесят своей гнилой сети и, подняв парус, ушел у нас из-под носа. Рыбак предвидел ход Чарли: его парус, к задней шкаторине которого он добавил целое полотнище, был поднят выше прежнего.

До Контра-Косты мы шли почти вровень, не обгоняя и не отставая друг от друга. Но, повернув к горам Соном, заметили, что почти при равной скорости движения Деметриос взял чуть-чуть более круто к ветру, чем мы. А ведь Чарли вел нашу лодку с предельной ловкостью и искусством и выжимал из нее больше, чем обычно.

Конечно, ничто не мешало Чарли вытащить револьвер и выстрелить в Деметриоса, но мы давно убедились, что стрелять в убегающего человека, совершившего какой-нибудь незначительный проступок, противно нашей натуре. К тому же между патрульными и рыбаками существовало нечто вроде негласного уговора: мы не стреляем в них, когда они удирают, а они, в свою очередь, не оказывают нам сопротивления, если удастся их задержать. Деметриос Контос уходил от нас, а нам не оставалось ничего другого, как изо всех сил стараться его догнать; с другой стороны, окажись наша лодка более быстроходной или веди мы ее лучше, чем Деметриос свою, он, если бы нам удалось задержать его, наверняка не оказал бы нам никакого сопротивления.

При огромном парусе и резвившемся в Каркинезском проливе сильном ветре наше плавание было, как говорится, рискованным. Нам приходилось быть все время начеку, следить, чтобы нас не опрокинуло, и пока Чарли стоял на руле, я держал в руках грота-шкот, обернув его всего один раз вокруг нагеля, готовый в любую секунду отдать его. У Деметриоса, который вел свой парусник один, руки были все время заняты.

Однако наша попытка его догнать оказалась тщетной. От природы сообразительный, он сумел соорудить лодку, оказавшуюся удачнее нашей. И хотя Чарли шел не хуже, а то и чуть лучше Деметриоса, лодка его во многом уступала лодке грека.

– Трави шкот! – скомандовал Чарли, и когда наша лодка легла на фордевинд, до нас донесся уничтожающий смех Деметриоса.

– Бесплезное это дело, – качая головой, заметил Чарли. – У Деметриоса лодка лучше нашей. Если он попытается еще раз повторить свое представление, нам придется в ответ придумать что-нибудь новое.

На этот раз выручила моя смекалка.

– А что, если в следующее воскресенье я один пущусь в погоню за Деметриосом, – предложил я в среду. – А ты будешь ждать его возвращения на пристани в Вальехо?

Чарли подумал минутку, потом хлопнул себя по колену.

– Прекрасная мысль! Ты начинаешь шевелить мозгами. Должен сказать, это делает честь твоему учителю. Только не загони его чересчур далеко, – продолжал он, – а то, вместо того чтобы вернуться домой в Вальехо, он двинет в залив Сан-Пабло, а я так и буду дурак-дураком стоять на пристани и ждать его.

В четверг у Чарли нашлось возражение против моего плана.

– Все будут знать, что я отправился в Вальехо, и, можешь не сомневаться, узнает и Деметриос. Как ни жаль, но от твоей затеи придется отказаться.

Довод был вполне веским, и остаток дня я ходил как в воду опущенный. Однако ночью мне вдруг показалось, что я нашел выход, и, полный нетерпения, разбудил крепко спавшего Чарли.

– Ну, – промычал он, – что случилось? Дом горит?

– Нет, – ответил я, – у меня в голове горит. Слушай! В воскресенье мы с тобой будем болтаться на пристани Бениши, пока на горизонте не покажется парусник Деметриоса. Это усыпит подозрение. Когда же парусник подойдет ближе, ты не спеша побредешь в сторону города. Рыбаки решат, что ты побежден и признал свое поражение.

– Пока подходяще, – вставил Чарли, когда я остановился, чтобы перевести дух.

– И даже очень подходяще, – с гордостью продолжал я. – Так, значит: ты не спеша двинешься в сторону города, но как только скроешься из виду людей, стоящих на пристани, дашь ходу прямо к Дэну Мелони. Возьмешь его кобыленку и что есть духу помчишься по проселочной дороге в Вальехо. Дорога там хорошая, и ты доберешься до Вальехо раньше, чем Деметриос, которому придется все время идти против ветра.

– Утром я первым делом договорюсь насчет кобылы, – отозвался Чарли, безоговорочно приняв мой новый план.

Однако, только я успел как следует заснуть, он сам разбудил меня.

– Послушай, сынок, – посмеиваясь в темноте, сказал он, – не кажется ли тебе, что гоняться за браконьером верхом – дело не совсем привычное для рыбачьего патруля?

– На то и существует смекалка, – ответил я. – Ты сам постоянно твердишь: «Постарайся напасть на верную мысль раньше, чем твой противник, и победа будет за тобой».

– Ха-ха! – рассмеялся Чарли. – Уж если на этот раз верная мысль вместе с кобылкой не побьет Деметриоса, значит, я не ваш покорный слуга Чарли Ле Грант.

– Только сумеешь ли ты один управиться с лодкой? – спросил он в пятницу. – Не забудь, что парус у нас огромный.

Я так горячо убеждал его в своем мастерстве, что он больше не заговаривал об этом до субботы, когда предложил мне снять целое полотнище с задней шкаторины. Вероятно, на моем лице было написано столь сильное разочарование, что он не стал настаивать. Я и вправду так гордился своим умением вести парусную лодку, что мне прямо до безумия хотелось выйти в море одному и под большим парусом стрелой мчаться по Каркинезскому проливу в погоне за удирающим греком.

Как всегда, в воскресенье Деметриос Контос был тут как тут. У рыбаков уже вошло в привычку собираться на пароходной пристани, чтобы приветствовать его появление и посмеяться над нашим поражением. Деметриос спустил парус в нескольких сотнях ярдов от пристани и закинул свои обычные пятьдесят футов прогнившей сети.

– Сдается мне, эта забава будет продолжаться до тех пор, пока его ветхая сеть не порвется окончательно, – проворчал Чарли с расчетом быть услышанным кое-кем из греков.

– Тогда я дам ему мою, – быстро и не без коварства отозвался один из них.

– Незачем, – ответил Чарли, – у меня самого найдется завалящая сеть. Он сможет ее получить, если придет ко мне и попросит.

Греки ответили веселым смехом, ибо могли себе позволить добродушно шутить с человеком, которого так здорово околпачивали.

– Ну, пока, сынок, – минутой позже обратился ко мне Чарли. – Пожалуй, двинусь в город к Мелони.

– Можно мне взять лодку? – спросил я.

– Как хочешь, – ответил он и, круто повернувшись, медленно побрел прочь.

Деметриос вытащил из сети двух крупных лососей, и я вскочил в лодку. Рыбаки столпились вокруг, весело настроенные, и, когда я стал поднимать парус, засыпали меня всевозможными шутливыми советами. Они даже предлагали друг другу заключить пари, что я непременно поймаю Деметриоса, а двое из них, разыгрывая роль судейских чиновников, пресерьезно просили позволения отправиться вместе со мной, чтобы посмотреть, как я это сделаю.

Но я не торопился: тянул время, чтобы дать Чарли возможность добраться до Вальехо. Делая вид, будто мне не нравится, как стоит парус, я слегка подтянул снасть, с помощью которой удерживается верхний конец гафеля. Только когда, по моим расчетам, Чарли уже побывал у Дэна Мелони и сел верхом на его кобылку, я отошел от пристани и поставил парус по ветру. Сильный порыв ветра, наполнив парус, сразу резко накренил судно, и добрых два ведра воды попало в лодку. Такой пустяк, как этот, всегда может случиться с легким судном даже у самого опытного матроса, тем не менее, хотя я мгновенно потравил шкот и выровнял лодку, по моему адресу поднялась буря насмешливых рукоплесканий, словно я совершил невесть какой грубый промах.

Когда Деметриос увидел, что в рыбацкой патрульной лодке только один человек, да и тот мальчишка, он решил поиздеваться надо мной. Идя коротким галсом – я шел прямо за ним, отставая на неполных тридцать футов, – он несколько ослабил шкот и вернулся к пристани. И тут, делая короткие галсы, он стал кружиться, вертеться, вспарывая носом лодки воду, к великому восторгу симпатизирующих ему зрителей. Я все время шел за ним и смело проделывал все, что делал он, даже когда он, идя на фордевинд, перекинул парус на другой борт: опаснейший маневр при таком большом парусе и таком сильном ветре.

Он рассчитывал, что крепкий бриз и сильное отливное течение, которые подняли на море страшное волнение, доведут меня до беды. Но я был в ударе и никогда в жизни не вел лодку лучше, чем в этот день. Меня можно было сравнить с точно выверенным механизмом: мозг мой работал ровно и быстро, руки безошибочно делали свое дело; я, казалось, предугадывал тысячи мелочей, которые опытный моряк обязан принимать во внимание в любую секунду.

Вместо меня беда постигла Деметриоса. Что-то разладилось в выдвижном киле его лодки, заело в корпусе, и он не выдвигался до отказа. В минуту передышки, которой Деметриос добился путем какой-то хитроумной уловки, он стал торопливо возиться с выдвижным килем, стараясь сбить его вниз. Но времени у него было слишком мало, и пришлось снова взяться за руль и парус.

Выдвижной киль, видимо, сильно его беспокоил. Ему было уже не до игры со мной, и, делая длинные галсы, он двинулся к Вальехо. К моей радости, на первом же галсе я увидел, что могу держать к ветру чуть круче, чем он. Вот когда бы ему пригодился лишний человек в лодке: ведь я шел за ним на расстоянии каких-нибудь нескольких футов, и он не отважился бросить руль, чтобы перебраться на середину лодки и опустить выдвижной киль!

Лишившись возможности приводить к ветру так круто, как прежде, он стал слегка потравливать шкот и идти полнее, стараясь меня обогнать. Я позволил ему это сделать, пока сам пытался выиграть ветер, чтобы настигнуть Деметриоса, но когда я подошел к нему совсем близко, он прикинулся, будто ложится на другой галс. Я стремительно рыскнул к ветру, чтобы опередить Деметриоса, но с его стороны это было лишь ловко проделанным трюком. Он взял прежний курс, мне же пришлось торопливо наверстывать потерянное расстояние.

Деметриос явно оказался искуснее меня, когда дело дошло до маневрирования. Много раз он был уже почти у меня в руках, но всякий раз ему удавалось провести меня и ускользнуть. К тому же ветер крепчал, и наши руки ни секунды не знали покоя, иначе нас неминуемо опрокинуло бы в море. Что до моей лодки, то она держалась на плаву только благодаря лишнему балласту. Я сидел скорчившись, одной рукой держа руль, а другой – шкот. А поскольку шкот был всего один раз обернут вокруг нагеля, он при каждом порыве ветра вырывался у меня из рук. В такие минуты парус терял ветер, и я, конечно, отставал. Утешением служило лишь то, что с лодкой Деметриоса происходило то же самое.

Сильный отлив, проносясь по Каркинезскому проливу навстречу ветру, вздымал могучие сердитые волны, которые непрерывно бились о борт судна. Я промок до нитки, и даже мой парус был мокрешенек вплоть до шкаторины. Один раз мне удалось ловким маневром нагнать Деметриоса, и моя лодка ударила носом в среднюю часть его судна. Как мне нужен был в эту минуту помощник! Только было кинулся я вперед, чтобы прыгнуть к нему в лодку, как он веслом отпихнул мою лодку и оскорбительно рассмеялся прямо мне в лицо.

Мы уже находились в устье Каркинезского пролива, в очень опасной полосе. Здесь пролив Вальехо и Каркинезский стремительно неслись навстречу друг другу. Через Вальехо текли воды реки Напа и огромного берегового отлива, а через Каркинезский пролив мчались воды Суисуанской бухты и рек Сакраменто и Сан-Хоакин. И там, где эти чудовищные потоки сталкивались, возникала страшная быстрина. В довершение всех бед ветер дул в сторону бухты Сан-Пабло со скоростью пятнадцати узлов, обрушивая на быстрину громады волн.

Враждующие течения метались во всех направлениях, сталкиваясь, образуя водовороты, воронки и ключи, а сердитые волны, вздымаясь, захлестывали наши лодки как с наветренной, так и с подветренной стороны. И сквозь всю эту сумятицу беспорядочно, словно доведенные до безумия в своем движении, с грохотом неслись гигантские, кипучие валы из бухты Сан-Пабло.

Я так же неистовствовал, как бушующее море. Лодка шла великолепно: стремительно мчалась вперед сквозь этот хаос, подобно скаковой лошади преодолевая все препятствия. Все мое существо было полно неумемной радости. Огромный парус, вой ветра, бушующие волны, лодка, то и дело ныряющая в воду, и я, пигмей, не больше, чем пятнышко среди этих взбунтовавшихся стихий, подчиняю их своей воле, лечу сквозь них и над ними, торжествующий, победоносный!

И в ту минуту, когда я, словно герой-победитель, мчался вперед, раздался страшный треск и лодка мгновенно стала. Меня швырнуло вперед, и я упал на дно лодки. Когда я вскочил на ноги, передо мной мелькнуло что-то зеленоватое, замшелое, я сразу понял, что это затонувшая свая – бич мореплавателей. Никто не огражден от такого несчастья. Разбухшую от воды и плавающую у самой поверхности сваю невозможно вовремя увидеть и обойти в бушующем море.

Видимо, раздробило весь нос лодки, так как через несколько секунд она уже наполовину была полна воды. Добавили воды и волны, и она пошла ко дну, увлекаемая тяжелым балластом. Все это случилось так быстро, что я запутался в парусе и меня втянуло под лодку. Когда я с великим трудом выбрался на поверхность, полузадохнувшийся – мои легкие, казалось, вот-вот лопнут, – весел уже не было. Должно быть, их смыло бесноватой волной. Я увидел, что Деметриос Контос оглядывается из своей лодки, и услышал его насмешливый, полный мстительной злобы голос: он что-то ликующе кричал! Он продолжал свой путь, покинув меня на верную гибель.

Мне ничего другого не оставалось, как ради своего спасения плыть вперед – в этой сумятице вопрос жизни и смерти решали какие-нибудь секунды. Набрав побольше воздуха и энергично работая обеими руками, я ухитрился скинуть свои тяжелые морские сапоги и куртку. Но легко сказать – набрать воздуха: я быстро понял, что вся трудность не в том, чтобы плыть, а в том, чтобы дышать.

Меня швыряло из стороны в сторону, на меня обрушивались высокие, увенчанные белыми гребнями валы Сан-Пабло, душили вздымавшиеся волны, хлеща в глаза, нос, рот. Страшные воронки всасывали мои ноги и тянули вниз с тем, чтобы в следующий миг высоко подбросить вместе с кипящей ключом водой, и тут же – не успевал я перевести дух – огромная вспененная волна накрывала меня с головой.

Долго все это выдержать было невозможно. Я вдыхал больше воды, чем воздуха, и почти все время находился под водой. Рассудок начинал мне изменять, голова отчаянно кружилась. Я боролся за жизнь судорожно, инстинктивно и был почти уже в беспамятстве, как вдруг почувствовал, что меня схватили за плечи и втащили в лодку.

Некоторое время я лежал на банке лицом вниз, вода лилась у меня изо рта, потом, все еще едва живой, повернулся посмотреть, кто был моим спасителем. На корме, придерживая одной рукой парус, а другой – руль, ухмыляясь и добродушно кивая мне, сидел Деметриос Контос. Сперва, рассказывал он позже, он решил было бросить меня на произвол судьбы, но добро в его душе вступило в борьбу со злом, одержало победу и приказало вернуться ко мне.

– Тебе лучше? – спросил он.

Мне удалось изобразить на губах нечто вроде «да», однако говорить я еще не мог.

- Ты вел лодку очень хорошо, - сказал он. - Как настоящий мужчина.

Похвала в устах Деметриоса Контоса была для меня, конечно, очень лестной, и я оценил ее по достоинству, хотя в ответ сумел только кивнуть.

На этом наш разговор кончился, так как я был занят тем, что приходил в себя, а он возился с лодкой. Добравшись до пристани в Вальехо, Деметриос Контос привязал лодку и помог мне выбраться из нее. И вот, когда мы с ним стояли на пристани, из-за натянутых сетей вышел Чарли и положил руку на плечо Деметриоса.

- Он спас мне жизнь, Чарли, - запротестовал я. - И, по-моему, его не следует арестовывать.

На лице Чарли отразилась растерянность, но как только он принял решение, исчезла.

- Ничем не могу помочь, сынок, - мягко ответил он. - Я не вправе нарушить свой долг, а мой прямой долг - арестовать его. Нынче воскресенье, а в лодке у него два лосося, которых он только что поймал. Как иначе мне поступить?

- Но он спас мне жизнь, - твердил я, не находя других доводов.

Лицо Деметриоса Контоса почернело от ярости, когда он услышал решение Чарли. Он чувствовал, что с ним поступили несправедливо. Добро в его душе восторжествовало, он проявил великодушие: спас беспомощного врага, - а в благодарность его ведут в тюрьму.

Мы с Чарли дулись друг на друга, когда возвращались в Бенишу. Я придерживался духа закона, а не буквы; Чарли же отстаивал именно букву. Как он ни раскидывал умом, другого выхода ему не представлялось. Закон ясно гласил, что в воскресенье ловля лосося запрещена. Он служил патрульным, и следить за строгим выполнением закона было его долгом. И толковать тут больше не о чем. Он выполнил свой долг, и совесть его чиста. Тем не менее мне

все это казалось несправедливым и было очень жаль Деметриоса Контоса.

Через два дня мы явились в Вальехо на суд. Мне пришлось выступить свидетелем. Самой ненавистной из всех обязанностей, какие мне довелось выполнить в своей жизни, была необходимость, стоя на свидетельском месте, дать присягу, что я видел, как Деметриос Контос поймал двух лососей, тех самых, с которыми Чарли задержал его.

Деметриос нанял себе адвоката, но дело его было безнадежным. Присяжные удалились только на пятнадцать минут и вынесли решение: да, виновен. Судья приговорил Деметриоса к уплате штрафа в сто долларов или к пятидесяти дням тюремного заключения.

Чарли подошел к секретарю суда.

– Я уплачу этот штраф, – заявил он, выкладывая на стол пять золотых монет – каждая по двадцать долларов. – Это единственный выход, сынок, – пробормотал он, поворачиваясь ко мне.

Слезы выступили у меня на глазах, когда я крепко стиснул ему руку.

– Я уплачу... – начал я.

– Свою половину? – прервал он меня. – Конечно, а как же иначе?

Тем временем Деметриос узнал от адвоката, что и ему заплатил Чарли.

Деметриос подошел к Чарли пожать ему руку; вся его горячая южная кровь бросилась ему в лицо. Не желая, чтобы его превзошли в великодушии, он настаивал, что сам уплатит штраф и вознаграждение адвокату, и очень рассердился, когда Чарли не согласился на его требование.

Этот поступок Чарли гораздо больше, чем все то, что мы делали до сих пор, убедил рыбаков в более глубоком, чем они полагали, значении закона. Чарли очень выиграл в их глазах; кое-что досталось и на мою долю: меня похвалили как паренька, который умеет вести парусную лодку. Деметриос Контос никогда больше не нарушал закон, стал нам добрым другом и не раз заглядывал в

Бенишу поболтать с нами.

Желтый Платок

– Конечно, не мое это дело, дружище, – сказал Чарли, – а только зря ты надумал устроить последнюю облаву. Тебе не раз доводилось попадать в опасные переплеты, иметь дело с опасными людьми, и ты остался целехонек – вот будет обида, если с тобой под конец что стряется.

– Но как же обойтись без последней облавы? – возразил я с юношеской самонадеянностью. – Сам знаешь, все имеет конец. А раз так, какая-нибудь из моих облав должна быть последней, тут уж ничего не поделаешь.

Чарли заложил ногу за ногу, откинулся на спинку стула и погрузился в раздумье.

– Твоя правда, – сказал он наконец. – Но почему бы тебе не считать последней облаву на Деметриоса Контоса? Ты вернулся с этого дела живым и здоровым, хоть и принял хорошую ванну, ну и... и... – Тут он замолчал, а немного погодя заговорил снова: – Словом, я никогда не прощу себе, если с тобой теперь приключится какая беда.

Я посмеялся над страхами Чарли, но не смог устоять перед уговорами этого человека, который горячо меня любил, и согласился считать, что последняя облава уже позади. Два года мы были с ним неразлучны, а теперь я уходил из рыбацкого патруля, чтобы вернуться в город и закончить образование. Я скопил довольно денег, чтобы не знать нужды три года, пока не окончу среднюю школу, и, хотя до начала учебного года было еще много времени, решил хорошенько подготовиться к приемным экзаменам.

Я уложил свои пожитки в матросский сундучок и собрался было ехать поездом в Окленд, как вдруг в Бенише появился Нейл Партингтон. Он собирался срочно вести шлюп «Северный олень» в Нижнюю бухту и по дороге должен был зайти в Окленд. Нейл жил в этом городе, и до окончания школы я собирался поселиться у него, а потому он предложил мне перенести на борт шлюпа мой сундучок, чтобы плыть вместе.

Я перенес сундучок, а на исходе дня мы отдали швартовы и подняли парус. Была осень, погода стояла коварная. Устойчивый морской бриз, который дул летом каждый день, сменился капризными порывистыми ветрами, небо заволокли тучи, так что трудно было предсказать, сколько продлится наше плавание. Мы тронулись в путь с началом отлива, и, когда шли через Каркинезский пролив, я бросил долгий, прощальный взгляд на Бенишу и на пристань у Тернерской верфи, где мы когда-то осадили «Ланкаширскую королеву» и захватили Большого Алека, Короля Греков. А у выхода из пролива я с большим интересом осмотрел то место, где всего несколько дней назад непременно утонул бы, если б не благородный порыв Деметриоса Контоса.

Впереди, над заливом Сан-Пабло, стлался непроницаемый туман, и через несколько минут «Северный олень» уже шел вслепую в сырой мгле. Но у Чарли нюх был безошибочный, и он уверенно вел шлюп. Он признался нам, что сам не знает, как это ему удастся; каким-то чудом он все точнейшим образом принимал в расчет: ветер, течение, расстояние, время, дрейф, скорость хода.

– Кажется, туман рассеивается, – заметил Нейл Партингтон, после того как мы несколько часов плыли наугад. – Как по-твоему, Чарли, где мы теперь?

Чарли взглянул на часы.

– Сейчас шесть. Отлив продлится еще три часа, – сказал он ни с того ни с сего.

– Но где мы все-таки? – настаивал Нейл.

Чарли подумал немного и ответил:

– Отлив малость снес нас в сторону, но, если туман рассеется, а на это очень похоже, вы увидите, что мы не дальше, чем в тысяче миль от пристани Мак-Нира.

– Пожалуй, ты мог бы быть малость поточнее, – хмуро буркнул Нейл.

– Извольте, – отозвался Чарли. – До нее не меньше четверти мили и никак не больше полумили, – заключил он уверенно.

Ветер свежел, под его порывами туман стал понемногу рассеиваться.

– Пристань вон там, – сказал Чарли, указывая в ту сторону, откуда дул ветер.

Мы, все трое, стали напряженно вглядываться в туман, как вдруг «Северный олень» с треском натолкнулся на что-то и остановился. Мы бросились на нос и увидели, что наш бушприт запутался в такелаже какого-то суденышка с короткой и толстой мачтой. Как оказалось, мы врезались в стоявшую на якоре китайскую джонку.

Когда мы прибежали на нос, пятеро китайцев, словно потревоженные пчелы, выползли из тесной каюты, протирая заспанные глаза.

Первым на палубе появился рослый, могучий человек – мне сразу бросились в глаза его щербатое лицо и желтый шелковый платок на голове. Это был мой старый знакомый Желтый Платок, тот самый китаец, которого мы год назад арестовали за незаконный лов креветок. Тогда он чуть не пустил наше судно ко дну, да и сейчас мы едва не утонули из-за того, что он грубо нарушил правила навигации.

– Послушай, ты, желторожая обезьяна, какого черта торчишь тут на самом фарватере и не подаешь сигналов? – возмущенно крикнул Чарли.

– Какого черта? – преспокойно отозвался Нейл. – А вы взгляните-ка получше.

Мы поглядели туда, куда указывал Нейл, и увидели, что трюм джонки почти полон только что выловленных креветок. А среди креветок было множество крохотных рыбешек величиной от четверти дюйма. Желтый Платок поднял свою сеть до начала прилива, снова забросил ее и под покровом тумана нагло стоял на якоре, дожидаясь малой воды, чтобы поживиться еще раз.

– Ну и ну! – Нейл почесал в затылке. – Сколько времени ловлю браконьеров: чего только не перевидал, – но чтобы нарушитель сам шел в руки, такого еще не было. Послушай, Чарли, что нам теперь с ними делать?

– Отведем их на буксире в Сан-Рафаэль, вот и все, – сказал Чарли и повернулся ко мне. – Оставайся на джонке, приятель, я брошу тебе буксирный конец. Если

ветер не переменится, мы успеем проскочить прежде, чем река обмелеет, переночуем в Сан-Рафаэле, в Окленде будем завтра к полудню.

С этими словами Чарли и Нейл вернулись на «Северного оленя», и мы тронулись в путь, ведя джонку на буксире. Я встал на корме и, приняв командование захваченным судном, правил им с помощью допотопного румпеля, приводившего в движение дырявый как решето руль, сквозь который так и струилась вода.

Тумана как не бывало, и мы увидели, что Чарли правильно определил наше местонахождение. Пристань Мак-Нира была в какой-нибудь полумиле от нас. Держась западного берега, мы обогнули мыс Педро и прошли мимо китайских поселков, где поднялся страшный переполох, когда рыбаки увидели, что их джонку ведет на буксире шлюп рыбацкого патруля.

Береговой ветер был порывист и неустойчив, мы бы предпочли, чтобы он посвежел. Река, по которой нам предстояло пройти до Сан-Рафаэля, где мы предполагали сдать пленников властям, протекает через бесконечные болота, идти по ней в пору отлива очень трудно, а по малой воде и вовсе невозможно.

Теперь вода убыла почти наполовину, и следовало поторапливаться, но тяжелая джонка мертвым грузом тащилась позади шлюпа.

– Вели этим кули поставить парус! – наконец крикнул Чарли. – Мне вовсе не улыбается сидеть на мели до самого утра.

Я передал этот приказ Желтому Платку, а тот хриплым голосом что-то скомандовал своим людям. Он был сильно простужен и весь сотряслся от судорожного кашля, глаза его налились кровью. Вид у него поэтому был еще свирепее обычного, и, когда он бросил на меня злобный взгляд, я вздрогнул, вспомнив, как в прошлый раз был из-за него на волосок от гибели.

Его команда неохотно взялась за фалы, и косой диковинный парус коричневого цвета взвился на мачте.

Ветер был попутный, и, когда Желтый Платок выбрал шкот, джонка устремилась вперед, а буксирный канат ослабел. Как ни быстроходен был «Северный олень», джонка оказалась еще быстроходнее. Чтобы не столкнуться со шлюпом, я взял чуть круче к ветру, но джонка не потеряла скорости и через несколько минут

оказалась на наветренном траверзе шлюпа. Буксирный канат теперь натянулся под прямым углом к обоим судам – просто смешно было смотреть.

– Отдай буксир! – крикнул я.

Чарли колебался.

– Не бойся! – настаивал я. – Все будет в полном порядке. Мы проскочим реку, не меняя галса, а вы идите следом до самого Сан-Рафаэля.

Чарли отдал буксир, и Желтый Платок велел одному из своих людей выбрать канат. Уже смеркалось, и я смутно видел впереди устье реки, а когда мы вошли в нее, едва мог разглядеть берега.

«Северный олень» остался позади, минутах в пяти хода, и мы все удалялись от него, лавируя по узкому извилистому руслу. Но все-таки Чарли был рядом, и я ничуть не боялся своих пятерых пленников; правда, в темноте следить за ними было трудно, поэтому я переложил револьвер из брюк в боковой карман куртки, откуда его легче достать.

Один только Желтый Платок внушал мне некоторый страх, и, как вы скоро сами убедитесь, он знал это и не преминул этим воспользоваться. Он сидел в нескольких шагах от меня, у наветренного борта. Я едва различал в темноте его фигуру, но от меня не укрылось, что он медленно, почти незаметно пододвигается ко мне. Я не спускал с него глаз. Держа румпель левой рукой, я правой нащупал в кармане револьвер.

Вот он пододвинулся еще на несколько дюймов, и я уже открыл было рот, чтобы крикнуть: «Назад!» – как вдруг кто-то большой и тяжелый навалился на меня со стороны подветренного борта. Это был один из китайцев. Он зажал мне рот и так стиснул мою правую руку, что я не мог вытащить ее из кармана. Конечно, я вырвался и освободил бы руку или позвал на помощь, но в ту же секунду Желтый Платок набросился на меня.

Упав на дно джонки, я отчаянно сопротивлялся, но – увы – вскоре был связан по рукам и ногам, а рот мне накрепко заткнули каким-то тряпьем, – как оказалось потом, ситцевой рубашкой. Китайцы так и оставили меня лежать на дне. Шепотом отдавая команды, Желтый Платок взялся за руль. Вспомнив, где мы

находимся, и увидев, как переставили парус, который смутно вырисовывался надо мной на фоне звездного неба, я понял, что джонку направили в маленький заболоченный затон.

Через несколько минут мы пристали к берегу, и парус бесшумно соскользнул с мачты. Китайцы притихли как мыши. Желтый Платок сел на дно джонки рядом со мной, и я почувствовал, что он с трудом сдерживает надсадный, сухой кашель. Прошло минут семь-восемь, и я услышал голос Чарли: это наш шлюп проходил мимо затона.

– Просто слов нет, как я счастлив, что мальчик благополучно отслужил свое в рыбацьем патруле, – говорил он Нейлу, и я отчетливо слышал каждое его слово.

Нейл сказал что-то, чего я не расслышал, и Чарли продолжал:

– Мальчишка стал форменным моряком, и если он, кончив школу, поучится еще морскому делу и начнет ходить в дальние рейсы, клянусь Богом, из него со временем выйдет отличный капитан, которому можно будет доверить любое судно.

Все это, разумеется, было для меня очень лестно, но я в эту минуту лежал на дне джонки с кляпом во рту, связанный своими же пленниками, а голоса друзей замирали вдали. «Северный олень» уходил все дальше к Сан-Рафаэлю, и, должен признаться, положение мое не очень-то располагало к мечтам о светлом будущем. Вместе с «Северным оленем» исчезла моя последняя надежда. Я не знал, что меня ждет: эти китайцы – народ особенный и, насколько мне известен их характер, едва ли обойдутся со мной по справедливости.

Выждав еще несколько минут, китайцы снова подняли свой косой парус, и Желтый Платок повел джонку к устью реки Сан-Рафаэль. Вода все убывала, и выйти из устья было нелегко. Я надеялся, что он сядет на мель, но ему удалось благополучно вывести джонку в залив.

После этого китайцы затеяли горячий спор, и я чувствовал, что спорят они из-за меня. Желтый Платок был в ярости, но остальные четверо не менее яростно ему противились. Было совершенно ясно, что он хотел прикончить меня, а его товарищи боялись ответственности. Я достаточно знал китайцев и был убежден, что только страх удерживает их от расправы надо мной, но никак не мог понять,

в чем заключается их план, который они предлагали взамен кровожадного плана Желтого Платка.

Нетрудно догадаться, что я пережил в эти минуты, когда жизнь моя висела на волоске. Спор вскоре перешел в ссору, после чего Желтый Платок сорвал с руля тяжелый румпель и бросился ко мне, но четверо китайцев преградили ему дорогу и стали отнимать у него румпель. В конце концов они вчетвером одолели своего главаря, и он, недовольный, вернулся на корму, а вслед ему понеслась отборная ругань.

Вскоре китайцы убрали парус, и джонка медленно пошла на веслах. Потом я почувствовал, как она мягко ткнулась носом в ил. Трое китайцев в высоких резиновых сапогах спрыгнули за борт, а двое других перебросили меня через поручни. Желтый Платок подхватил меня за ноги, два его товарища – за плечи, и они зашлепали по вязкому илу. Но вот шаги их стали увереннее и тверже: как видно, вышли на берег. Вскоре я понял, где мы находимся: не иначе как на одном из островков крошечного скалистого архипелага Марин, расположенного неподалеку от устья реки Сан-Рафаэль.

Выйдя с затопляемой во время прилива илистой отмели на берег, китайцы довольно бесцеремонно швырнули меня на землю. Желтый Платок со злобой пнул меня в бок, и все трое пошли назад к джонке. Через несколько секунд я услышал, как взвился на мачте и затрепетал под напором ветра парус, пока китайцы выбирали шкот. Потом все смолкло, и я остался один. У меня не было другого выхода, кроме как собственными силами выпутываться из беды.

Я вспомнил, как ловко, как-то по-особому извиваясь и корчась, освобождаются от веревок фокусники, но, сколько я ни извивался и ни корчился, тугие узлы ничуть не ослабли. Однако, катаясь по берегу, я наткнулся на кучу пустых раковин: должно быть, какая-нибудь компания яхтсменов пекла здесь на костре моллюсков. В голове у меня блеснула счастливая мысль. Поскольку руки мои были связаны за спиной, я, зажав в кулаке раковину, покатился по песку к ближним скалам.

После долгих поисков я нашел наконец узкую трещину и вставил в нее раковину. Края у раковины были острые, и я попытался перерезать ею веревку, которой были связаны мои руки, но хрупкая раковина сломалась, как только я неосторожно нажал на нее. Пришлось мне снова добираться до кучи раковин. На этот раз я захватил их столько, сколько мог удержать в обеих руках. Я сломал их

видимо-невидимо, изрезал себе все руки, ноги мои от напряжения свела судорога.

Я остановился, чтобы передохнуть, и вдруг услышал над заливом знакомый голос. Это Чарли искал меня. Из-за кляпа во рту я не мог отозваться и в бессильной ярости лежал на берегу, а он прошел на веслах мимо острова, и вскоре голос его замер вдали.

Я снова принялся за дело, и через полчаса мне удалось наконец перерезать веревку. Все остальное было проще простого. Освободив руки, я мигом вытащил изо рта кляп и развязал путы на ногах, потом обежал весь берег и удостоверился, что я действительно на острове, а не где-нибудь на материке. Да, это был один из островов архипелага Марин, окаймленный песчаным пляжем и целым болотом вязкого ила. Мне оставалось одно: ждать рассвета и не поддаваться холоду – для Калифорнии ночь выдалась на редкость студеная, ветер пронизывал до самых костей, и меня била дрожь.

Чтобы согреться, я обежал вокруг острова раз десять кряду и столько же раз вскарабкался на скалистую гряду. Это не только согрело меня, но и сослужило мне впоследствии хорошую службу. Бегая по острову, я вдруг подумал: а не выронил ли я что-нибудь, когда катался в песке? Обшарив карманы, я не нашел ни револьвера, ни складного ножа. Револьвер у меня, конечно, отобрал Желтый Платок, а нож, должно быть, затерялся где-то в песке.

Я принялся его искать, как вдруг снова послышался скрип уключин. Сначала я подумал, что это Чарли, но сразу же спохватился: ведь Чарли не стал бы плыть молча. Мрачные предчувствия вдруг охватили меня. Архипелаг Марин глухой и пустынный; едва ли кому-то вздумается плыть сюда глубокой ночью. А вдруг это Желтый Платок? Скрип уключин стал слышнее. Лодка, по-видимому ялик, как я определил по частым ударам весел, ткнулась в ил шагах в пятидесяти от берега. Я услышал сухой, надсадный кашель, и сердце у меня упало. Это был Желтый Платок. Чтобы товарищи не помешали ему свести со мной счеты, он украдкой выбрался из своего поселка и приплыл сюда в одиночку.

Мысли вихрем закружились у меня в голове. Я безоружен и беспомощен на маленьком глухом островке, и желтый дикарь, остерегаться которого у меня есть все основания, явился сюда для расправы со мной. Худшего положения не придумаешь, и я невольно бросился в воду – или, вернее, в ил, – только бы не оставаться на острове. Когда Желтый Платок зашагал к берегу по илистому

болоту, я пошел в обратную сторону, стараясь попадать след в след, по дороге, проторенной китайцами, когда они несли меня на остров, а потом возвращались к своей джонке.

Желтый Платок, уверенный, что я лежу, связанный по рукам и ногам, на прежнем месте, нисколько не остерегался: ил громко чавкал у него под ногами. Благодаря этому, пока он шел, я успел удалиться от берега шагов на пятьдесят и после этого лег прямо в болото. Ил был холодный и липкий, я весь дрожал, но боялся встать на ноги, зная, что глаза у китайца острые. Он направился прямехонько на то место, где оставил меня, и я даже пожалел, что не могу видеть, какую рожу он скорчит, не найдя меня там. Но мне было не до потехи, у меня от холода зуб на зуб не попадал.

Что он сделал дальше, я мог только догадываться, так как почти ничего не видел при бледном свете звезд, но был уверен, что первым делом обошел весь остров и убедился, что никакие другие лодки к берегу не приставали. Всякое судно неизбежно оставило бы след в иле.

Удостоверившись, что я никак не мог уплыть с острова, он пустился на поиски. Наткнувшись на кучу раковин, он стал одну за другой чиркать спички и пошел по моему следу. При каждой вспышке мне было ясно видно его злое лицо. От запаха горящей серы у него першило в горле, и от его надсадного кашля я дрожал еще пуще, не смея шелохнуться в холодном иле.

Обилие следов его озадачило, однако вскоре он, как видно, сообразил, что я где-нибудь у берега, сделал несколько шагов по направлению ко мне, присел на корточки и долго всматривался во мрак. Нас разделяло не более пятнадцати футов, и, догадайся он зажечь спичку, мне бы несдобровать.

Но он вернулся на берег и, чиркая спичками, полез на скалистую гряду. Близкая опасность заставила меня искать спасения. Не рискуя встать во весь рост, так как Желтый Платок наверняка услышал бы мои шаги, я стал передвигаться ползком. По-прежнему держась следа, оставленного китайцами, я полз так до самой воды. Очувшись на глубине трех футов, я пошел вброд вдоль берега.

Вдруг у меня мелькнула мысль: вот бы найти ялик, на котором приплыл Желтый Платок, и удрать. Но он как будто угадал мое намерение, спустился на берег и поспешил к ялику, чтобы проверить, на месте ли он. Пришлось повернуть

обратно. То вброд по горло в воде, то вплавь без единого всплеска я отдалился на добрую сотню футов от того места, куда раньше причалила джонка. Потом я снова забрался в ил и лег ничком.

Желтый Платок опять вышел на берег, обшарил весь остров и вернулся к куче раковин. Я словно читал его мысли. Наверняка он рассуждал так: ни одна душа не может попасть на остров или покинуть его, не оставив в иле следов. А между тем он нашел всего две цепочки следов – одна вела от его ялика, а другая – от того места, где стояла джонка. На острове меня нет. Значит, я ушел по какому-нибудь из двух следов. Он только что ходил к своему ялику и убедился, что меня нет и там, значит, я мог уйти только по следу, который вел от джонки. Он решил проверить это предположение и пошел через ил, зажигая на ходу спички.

Дойдя до того места, где я залег в первый раз, он остановился: должно быть, увидел вмятину от моего тела, – потом по моему следу он вошел в воду, но сразу потерял его – да и мудрено было видеть следы на глубине трех футов. Вместе с тем, так как отлив еще не кончился, он легко нашел ямину, оставленную в иле джонкой. Всякое другое судно, если бы оно причалило к острову, непременно оставило бы такой же след. А раз его нет, – ясно, что я схоронился где-нибудь в иле.

Но искать темной ночью в огромном болоте человека все равно что искать иголку в стоге сена, и китаец понял бесполезность своей затеи. Он вернулся на остров и некоторое время рыскал по берегу. Я весь продрог, и лишь надежда, что он махнет на меня рукой, придавала мне силы. Наконец он сел в свой ялик и отчалил от острова. Но тут меня охватили сомнения. А вдруг это западня? Вдруг он уплыл только для того, чтобы выманить меня на берег?

Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что, отчаливая, он слишком громко ударял по воде веслами. И я остался лежать в холодном иле. Меня била дрожь, поясницу невыносимо ломало, и мне понадобилось все мое мужество, чтобы, несмотря ни на что, не двинуться с места.

По счастью, я не вышел из своего убежища, а через час смутно различил на берегу какую-то движущуюся тень. Я стал пристально вглядываться в темноту, но прежде чем мне удалось что-либо увидеть, слух мой уловил знакомый надсадный кашель. Оказывается, Желтый Платок тайком причалил к острову с другой стороны и теперь крался вдоль берега, надеясь захватить меня врасплох.

После этого я еще не один час пролежал в илистом болоте, боясь выйти на берег, хотя Желтый Платок не подавал больше никаких признаков жизни. Порой мне казалось, что я не выдержу и умру от холода. Мне и не снились такие ужасные страдания. Я до того окоченел, что в конце концов даже перестал дрожать. Зато мои мускулы и кости начали нестерпимо ныть – это была настоящая пытка. Прилив давно уже начался, и я, спасаясь от воды, фут за футом двигался к берегу. Полная вода наступила в три часа ночи, и я, полуживой, выполз на берег; если бы Желтый Платок набросился теперь на меня, я не смог бы и пальцем шевельнуть.

На мое счастье, его здесь не было. Он плюнул на меня и вернулся в свой поселок на мыс Педро. Но я все равно был в плачевном состоянии и в любую минуту мог отдать богу душу. Я не в силах был стоять на ногах, а тем более ходить. Моя одежда, насквозь пропитанная илом, леденила тело. Казалось, мне никогда не удастся ее снять. Пальцы онемели так, что не гнулись, силы оставили меня, и я провозился целый час, прежде чем стянул с себя башмаки. Я не мог разорвать кожаные шнурки, а развязать их было чертовски трудно. Несколько раз я принимался бить застывшими руками о камни, чтобы хоть немного разогнать кровь. По временам я был уверен, что вот-вот умру.

Наконец – казалось, прошла целая вечность – мне удалось раздеться догола. Вода была в двух шагах, я дополз до нее и смыл с себя ил. Но я не мог встать, не мог ходить, а лежа без движения наверняка бы замерз. Оставалось только одно: ценой невыносимой боли ползать медленно, как улитка, взад и вперед по берегу. Я ползал так до изнеможения, а когда на востоке забрезжил рассвет, совсем выбился из сил. Небо порозовело, золотой шар солнца поднялся над горизонтом, и его лучи осветили мое недвижимое тело на куче рако-вин.

Потом, как во сне, я увидел знакомый парус – это «Северный олень», подгоняемый свежим утренним ветерком, выскользнул из устья реки Сан-Рафаэль. Сон мой то и дело обрывался. Многого я совсем не помню. Помню только, как появился парус, как «Северный олень» отдал якорь в нескольких сотнях футов от берега и маленькая шлюпка отвалила от борта, как гудела в каюте печурка, раскаленная докрасна, а я лежал, с головы до ног закутанный в одеяла, только плечи и грудь были обнажены, и Чарли немилосердно растирал их, а Нейл Партингтон поил меня горячим, как огонь, кофе, обжигая мне рот и горло.

Но, несмотря ни на что, скажу я вам, это было чертовски приятно. Когда мы пришли в Окленд, я уже снова глядел молодцом, хотя Чарли и Нейл боялись, что я схватил воспаление легких, а миссис Партингтон первые полгода после того, как я начал учиться в школе, все ждала, что вот-вот у меня начнется скоротечная чахотка.

Время летит быстро. Кажется, только вчера мне было шестнадцать лет и я плавал на шлюпе рыбацкого патруля. А ведь сегодня утром я прибыл из Китая на баркентине «Жнец», капитаном которой теперь стал. Завтра утром я зайду на ней в Окленд, чтобы повидать Нейла Партингтона и его семью, а потом – в Бенишу к Чарли Ле Гранту, вспомнить старые добрые времена. Впрочем, нет, пожалуй, в Бенишу мне ходить незачем. Ведь вскоре состоится свадьба, на которой мне суждено сыграть не последнюю роль. Невесту зовут Алиса Партингтон, а поскольку Чарли обещал быть шафером, придется ему самому приехать в Окленд.

Рассказы южных морей

Дом Мапуи

Несмотря на свои тяжеловесные очертания, шхуна «Аораи» двигалась при легком ветре послушно и быстро, и капитан подвел ее близко к острову, прежде чем бросить якорь чуть не доходя до того места, где начинался прибой. Атолл Хикуэру, ярдов сто в диаметре и окружностью в двадцать миль, представлял собою кольцо измельченного кораллового песка, поднимавшееся всего на четыре-пять футов над высшим уровнем прилива. На дне огромной, гладкой как зеркало лагуны было много жемчужных раковин, и с палубы шхуны было видно, как за узкой полоской атолла искатели жемчуга бросаются в воду и снова выходят на берег. Но войти в атолл не могла даже торговая шхуна. Небольшим гребным катерам при попутном ветре удавалось пробраться туда по мелкому извилистому проливу, шхуны же останавливались на рейде и высылали к берегу лодки.

С «Аораи» проворно спустили шлюпку, и в нее спрыгнули несколько темнокожих матросов, голых, с алыми повязками вокруг бедер. Они взялись за весла, а на корме у руля стал молодой человек в белом костюме, какие носят в тропиках европейцы. Но он не был чистым европейцем: золотистый отлив его светлой кожи и золотые блики в мерцающей голубизне глаз выдавали примесь полинезийской крови. Это был Рауль, Александр Рауль, младший сын Мари Рауль, богатой квартиронки, владелицы шести торговых шхун. Шлюпка одолела водоворот у самого входа в пролив и сквозь кипящую стену прибоя прорвалась на зеркальную гладь лагуны. Рауль выпрыгнул на белый песок и поздоровался за руку с высоким туземцем. У туземца были великолепные плечи и грудь, но обрубок правой руки с торчащей на несколько дюймов, побелевшей от времени костью свидетельствовал о встрече с акулой, после которой он уже не мог нырять за жемчугом и стал мелким интриганом и прихлебателем.

– Ты слышал, Алек? – были его первые слова. – Мапуи нашел жемчужину. Да какую жемчужину! Такой еще не находили на Хикуэру, и нигде на всех Паумоту[1 - Острова Паумоту (Туамоту) – архипелаг в Тихом океане в Полинезии, которая вместе с Микронезией, Меланезией и Новой Зеландией составляет Океанию. В ее пределах разворачивается действие «Рассказов южных морей». В начале XX в., когда Лондон бывал на архипелагах Океании, эти группы островов входили в сферы влияния Великобритании, США, Франции, Нидерландов, Японии, Германии. Некоторые из них принадлежали Чили. Ведя борьбу за Океанию, империалистические державы осуществляли вместе с тем политику порабощения и эксплуатации народностей Океании, жестоко подавляя их попытки добиться независимости. Лондон близко познакомился с трагедией Океании во время путешествия на «Снарке». – Здесь и далее примеч. пер.], и нигде во всем мире. Купи ее, она еще у него. Он дурак и много не запросит. И помни: я тебе первый сказал. Табак есть?

Рауль немедля зашагал вверх по берегу, к лачуге под высоким пандановым деревом. Он служил у своей матери агентом, и в обязанности его входило объезжать все острова Паумоту и скупать копру, раковины и жемчуг.

Он был новичком в этом деле, плавал агентом всего второй раз и втайне тревожился, что не умеет оценивать жемчуг. Но когда Мапуи показал ему свою жемчужину, он сумел подавить изумленное восклицание и сохранить небрежную деловитость тона. Но между тем жемчужина поразила его. Она была величиной с голубиное яйцо, безупречной формы, и белизна ее отражала все краски матовыми огнями. Она была как живая. Рауль никогда не видел ничего

подобного ей. Когда Мапуи положил жемчужину ему на ладонь, он удивился ее тяжести. Это подтверждало ценность жемчужины. Он внимательно рассмотрел ее через увеличительное стекло и не нашел ни малейшего порока или изъяна: она была такая чистая, что, казалось, вот-вот растворится в воздухе. В тени она мягко светилась переливчатым лунным светом. И так прозрачна была эта белизна, что, бросив жемчужину в стакан с водой, Рауль едва мог различить ее. Так быстро она опустилась на дно, что он сразу оценил ее вес.

– Сколько же ты хочешь за эту жемчужину? – спросил он с ловко разыгранным равнодушием.

– Я хочу... – начал Мапуи, и из-за плеч Мапуи, обрамляя его коричневое лицо, высунулись коричневые лица двух женщин и девочки. Они закивали в подтверждение его слов и, еле сдерживая волнение, жадно сверкая глазами, вытянули вперед шеи.

– Мне нужен дом, – продолжал Мапуи. – С крышей из оцинкованного железа и с восьмиугольными часами на стене. Чтобы он был длиной сорок футов, и чтобы вокруг шла веранда. В середине чтобы была большая комната, и в ней – круглый стол, а на стене часы с гирями. И чтобы было четыре спальни, по две с каждой стороны от большой комнаты, и в каждой спальне железная кровать, два стула и умывальник. А за домом кухня – хорошая кухня, с кастрюльками и сковородками и с печкой. И чтобы ты построил мне этот дом на моем острове, на Факараве.

– Это все? – недоверчиво спросил Рауль.

– И чтобы была швейная машина, – заговорила Тэфара, жена Мапуи.

– И обязательно настенные часы с гирями, – добавила Наури, мать Мапуи.

– Да, это все, – сказал Мапуи.

Рауль засмеялся. Он смеялся долго и весело. Но, смеясь, торопливо решал в уме арифметическую задачу: ему никогда не приходилось строить дом, и представления о постройке домов у него были самые туманные. Не переставая смеяться, он подсчитывал, во что обойдется рейс на Таити за материалами, сами материалы, обратный рейс на Факараву, выгрузка материалов и строительные работы. На все это, круглым счетом, потребуется четыре тысячи французских

долларов, иными словами – двадцать тысяч франков. Это невысказано. Откуда ему знать, сколько стоит такая жемчужина? Двадцать тысяч франков – огромные деньги, да к тому же это деньги его матери.

– Мапуи, – сказал он, – ты дурак. Назначь цену деньгами.

Но Мапуи покачал головой, и три головы позади него тоже закачались.

– Мне нужен дом, – сказал он, – длиной сорок футов, чтобы вокруг шла веранда...

– Да-да, – перебил его Рауль. – Про дом я все понял, но из этого ничего не выйдет. Я дам тебе тысячу чилийских долларов...

Четыре головы дружно закачались в знак молчаливого отказа.

– И кредит на сто чилийских долларов.

– Мне нужен дом... – начал Мапуи.

– Какая тебе польза от дома? – спросил Рауль. – Первый же ураган снесет его в море. Ты сам это знаешь. Капитан Раффи говорит, что вот и сейчас можно ждать урагана.

– Только не на Факарава, – сказал Мапуи, – там берег много выше. Здесь, может быть, и снесет: на Хикуэру всякий ураган опасен. Мне нужен дом на Факарава: длиной сорок футов, и вокруг веранда...

И Рауль еще раз выслушал весь рассказ о доме. В течение нескольких часов он старался выбить эту навязчивую идею из головы туземца, но жена, и мать Мапуи, и его дочь Нгакура поддерживали его. Слушая в двадцатый раз подробное описание возжеленного дома, Рауль увидел через открытую дверь лачуги, что к берегу подошла вторая шлюпка с «Аораи». Гребцы не выпускали весел из рук, очевидно спеша отвалить. Помощник капитана шхуны выскочил на песок, спросил что-то у однорукого туземца и быстро зашагал к Раулю. Внезапно стало темно: грозная туча закрыла солнце. Было видно, как за лагуной по морю быстро приближается зловещая линия ветра.

– Капитан Раффи говорит, надо убираться отсюда, – сразу же начал помощник. – Он велел передать, что, если есть жемчуг, все равно надо уходить, авось успеем собрать его после. Барометр упал до двадцати девяти и семидесяти.

Порыв ветра потрянул пандановое дерево над головой Рауля и пронесся дальше; несколько спелых кокосовых орехов с глухим стуком упали на землю. Пошел дождь – сначала вдалеке, потом все ближе, надвигаясь вместе с сильным ветром, и вода в лагуне задымилась бороздками. Дробный стук первых капель по листьям заставил Рауля вскочить на ноги.

– Тысячу чилийских долларов наличными, Мапуи, – сказал он, – и кредит на двести.

– Мне нужен дом... – затянул Мапуи.

– Мапуи! – прокричал Рауль сквозь шум ветра. – Ты дурак!

Он выскочил из лачуги и вместе с помощником капитана кое-как добрался до берега, где их ждала шлюпка. Шлюпки не было видно. Тропический ливень окружал их стеной, так что они видели только кусок берега под ногами и злые маленькие волны лагуны, кусавшие песок. Рядом выросла фигура однорукого Хуру-Хуру.

– Получил жемчужину? – прокричал он в ухо Раулю.

– Мапуи дурак! – крикнул тот в ответ, и в следующую минуту их разделили потоки дождя.

Полчаса спустя Хуру-Хуру, стоя на обращенной к морю стороне атолла, увидел, как обе шлюпки подняли на шхуну и «Аораи» повернула прочь от острова. А в том же месте, словно принесенная на крыльях шквала, появилась и стала на якорь другая шхуна, и с нее тоже спустили шлюпку. Он знал эту шхуну. Это была «Орохена», принадлежавшая метису Торики, торговцу, который сам объезжал острова, скупая жемчуг, и сейчас, разумеется, стоял на корме своей шлюпки. Хуру-Хуру лукаво усмехнулся. Он знал, что Мапуи задолжал Торики за товары, купленные в кредит еще в прошлом году.

Гроза пронеслась. Солнце палило, и лагуна опять стала гладкой как зеркало. Но воздух был липкий, словно клей, и тяжесть его давила на легкие и затрудняла дыхание.

- Ты слышал новость, Торики? - спросил Хуру-Хуру. - Мапуи нашел жемчужину. Такой никогда не находили на Хикуэру, и нигде на всех Паумоту, и нигде во всем мире. Мапуи дурак. К тому же он у тебя в долгу. Помни: я тебе первый сказал. Табак есть?

И вот к соломенной лачуге Мапуи зашагал Торики. Это был властный человек, но не очень умный. Он небрежно взглянул на чудесную жемчужину - взглянул только мельком - и преспокойно опустил ее себе в карман.

- Тебе повезло, - сказал он. - Жемчужина красивая. Я открою тебе кредит на товары.

- Мне нужен дом... - в ужасе залепетал Мапуи. - Чтобы длиной был сорок футов...

- А поди ты со своим домом! - оборвал его торговец. - Тебе нужно расплатиться с долгами, вот что тебе нужно. Ты был мне должен тысячу двести - чилийских долларов. Прекрасно! Теперь ты мне ничего не должен. Мы в расчете. А кроме того, я открою тебе кредит на двести чилийских долларов. Если я удачно продам эту жемчужину на Таити, увеличу тебе кредит еще на сотню - всего, значит, будет триста. Но помни: только если удачно продам. Я могу еще потерпеть на ней убыток.

Мапуи скорбно скрестил руки и понурил голову. У него украли его сокровище. Нового дома не будет - он попросту отдал долг. Он ничего не получил за жемчужину.

- Ты дурак, - сказала Тэфара.

- Ты дурак, - сказала старая Наури. - Зачем ты отдал ему жемчужину?

- Что мне было делать? - оправдывался Мапуи. - Я был ему должен. Он знал, что я нашел жемчужину. Ты сама слышала, как он просил показать ее. Я ему ничего

не говорил, он сам знал. Это кто-то другой сказал ему. А я был ему должен.

– Мапуи дурак, – подхватила и Нгакура.

Ей было двенадцать лет, она еще не набралась ума-разума. Чтобы облегчить душу, Мапуи дал ей такого тумака, что она свалилась наземь, а Тэфара и Наури залились слезами, не переставая корить его, как это свойственно женщинам.

Хуру-Хуру, стоя на берегу, увидел, как третья знакомая ему шхуна бросила якорь у входа в атолл и спустила шлюпку. Называлась она «Хира» – и недаром: хозяином ее был Леви, немецкий еврей, самый крупный скупщик жемчуга, а Хира, как известно, таитянский бог, покровитель воров и рыболовов.

– Ты слышал новость? – спросил Хуру-Хуру, как только Леви, толстяк с крупной головой и неправильными чертами лица, ступил на берег. – Мапуи нашел жемчужину. Такой жемчужины не бывало еще на Хикуэру, и на всех Паумоту, и во всем мире. Мапуи дурак: он продал ее Торики за тысячу четыреста чилийских долларов, – я подслушал их разговор. И Торики тоже дурак. Ты можешь купить у него жемчужину, и дешево. Помни: я первый тебе сказал. Табак есть?

– Где Торики?

– У капитана Линча, пьет абсент. Он уже час как сидит там.

И пока Леви и Торики пили абсент и торговались из-за жемчужины, Хуру-Хуру подслушивал – и услышал, как они сошлись на невероятной цене: двадцать пять тысяч франков!

Вот в это-то время «Орохена» и «Хира» подошли совсем близко к острову и стали стрелять из орудий и отчаянно сигнализировать. Капитан Линч и его гости, выйдя из дома, еще успели увидеть, как обе шхуны поспешно повернули и стали уходить от берега, на ходу убирая гроты и кливера и под напором шквала низко кренясь над побелевшей водой, потом скрылись за стеной дождя.

– Они вернуться, когда утихнет, – сказал Торики. – Надо нам выбираться отсюда.

– Барометр, верно, еще упал, – сказал капитан Линч.

Это был седой бородатый старик, который уже не ходил в море и давно понял, что может жить в ладу со своей астмой только на Хикуэру. Он вошел в дом и взглянул на барометр.

– Боже ты мой! – услышали они и бросились за ним следом: он стоял, с ужасом глядя на стрелку, которая показывала двадцать девять и двадцать.

Снова выйдя на берег, они в тревоге оглядели море и небо. Шквал прошел, но небо не прояснилось. Обе шхуны, а с ними и еще одна, под всеми парусами шли к острову. Но вот ветер переменился, и они поубавили парусов. А через пять минут шквал налетел на них с противоположной стороны, прямо в лоб, – и с берега было видно, как там поспешно ослабили, а потом и совсем убрали, передние паруса. Прибой звучал глухо и грозно, началось сильное волнение. Потрясающей силы молния разрезала потемневшее небо, и оглушительными раскатами загремел гром.

Торики и Леви бегом пустились к шлюпкам. Леви бежал вперевалку, словно насмерть перепуганный бегемот. При выходе из атолла навстречу их лодкам неслась шлюпка с «Аораи». На корме, подгоняя гребцов, стоял Рауль. Мысль о жемчужине не давала ему покоя, и он решил вернуться, чтобы принять условия Мапуи.

Он выскочил на песок в таком вихре дождя и ветра, что столкнулся с Хуру-Хуру, прежде чем увидел его.

– Опоздал! – крикнул Хуру-Хуру. – Мапуи продал ее Торики за тысячу четыреста чилийских долларов, а Торики продал ее Леви за двадцать пять тысяч франков. А Леви продаст ее во Франции за сто тысяч. Табак есть?

Рауль облегченно вздохнул. Все его терзания кончились. Можно больше не думать о жемчужине, хоть она и не досталась ему. Но он не поверил Хуру-Хуру: вполне возможно, что Мапуи продал жемчужину за тысячу четыреста чилийских долларов, но чтобы Леви, опытный торговец, заплатил за нее двадцать пять тысяч франков – это едва ли. Рауль решил переспросить капитана Линча, но, добравшись до жилища старого моряка, застал его перед барометром в полном недоумении.

– Сколько, по-твоему, показывает? – тревожно спросил капитан, протер очки и снова посмотрел на барометр.

– Двадцать девять и десять, – сказал Рауль. – Я никогда не видел, чтобы он стоял так низко.

– Неудивительно, – проворчал капитан. – Я пятьдесят лет ходил по морям и то не видел ничего подобного. Слышишь?

Они прислушались к реву прибоя, сотрясавшего дом, потом вышли. Шквал утих. За милю от берега «Аораи», попавшую в штиль, кренило и швыряло на высоких волнах, которые величественно, одна за другой, катились с северо-востока и с яростью кидались на коралловый берег. Один из гребцов Рауля указал на вход в пролив и покачал головой. Посмотрев в ту сторону, Рауль увидел белое месиво клубящейся пены.

– Я, пожалуй, переночую у вас, капитан, – сказал он и велел матросу вытащить шлюпку на берег и найти пристанище для себя и остальных гребцов.

– Ровно двадцать девять, – сообщил капитан Линч, уходящий в дом, чтобы еще раз взглянуть на барометр.

Он вынес из дома стул, сел и уставился на море. Солнце вышло из-за облаков, стало душно, по-прежнему не было ни ветерка. Волнение на море усиливалось.

– И откуда такие волны, не могу понять, – нервничал Рауль. – Ветра нет... А вы посмотрите... нет, вы только посмотрите вон на ту!

Волна, протянувшаяся на несколько миль, обрушила десятки тысяч тонн воды на хрупкий атолл, и он задрожал, как от землетрясения. Капитан Линч был ошеломлен.

– О господи! – воскликнул он, привстав со стула, и снова сел.

– А ветра нет, – твердил Рауль. – Был бы ветер, я бы еще мог это понять.

– Можешь не беспокоиться, будет и ветер, – мрачно ответил капитан.

Они замолчали. Пот выступил у них на теле миллионами мельчайших росинок, которые сливались в капли и ручейками стекали на землю. Не хватало воздуха, старик мучительно задыхался. Большая волна взбежала на берег, облизала стволы кокосовых пальм и спала почти у самых ног капитана Линча.

– Намного выше последней отметки, – сказал он, – а я живу здесь одиннадцать лет. – Он посмотрел на часы. – Ровно три.

На берегу появились мужчина и женщина в сопровождении стайки детей и собак. Пройдя дом, они остановились в нерешительности и после долгих колебаний сели на песок. Несколько минут спустя с противоположной стороны приплелось другое семейство, нагруженное всяким домашним скарбом. И вскоре вокруг дома капитана Линча собралось несколько сот человек – мужчин и женщин, стариков, детей. Капитан окликнул одну из женщин с грудным младенцем на руках и узнал, что ее дом только что смыло волной.

Дом капитана стоял на самом высоком месте острова, справа и слева от него огромные волны уже перехлестывали через узкое кольцо атолла в лагуну. Двадцать миль в окружности имело это кольцо и лишь кое-где достигало трехсот футов в ширину. Сезон ловли жемчуга был в разгаре, и туземцы съехались сюда со всех окрестных островов и даже с Таити.

– Здесь сейчас тысяча двести человек, – сказал капитан Линч. – Трудно сказать, сколько из них уцелеет к завтрашнему утру.

– Непонятно, почему нет ветра, – заметил Рауль.

– Не беспокойся, мой милый, не беспокойся, неприятности начнутся очень скоро.

Не успел капитан Линч договорить, как огромная волна низринулась на атолл. Морская вода, покрыв песок трехдюймовым слоем, закипела вокруг их стульев. Раздался протяжный стон испуганных женщин. Дети, стиснув руки, смотрели на гигантские валы и жалобно плакали. Куры и кошки заметались в воде, а потом дружно, как сговорившись, устремились на крышу дома. Один туземец, взяв корзину с новорожденными щенятами, залез на кокосовую пальму и привязал корзину на высоте двадцати футов над землей. Собака-мать, повизгивая и твякая, скакала в воде вокруг дерева.

А солнце светило по-прежнему ярко, и все еще не было ни ветерка. Они сидели, глядя на волны, кидавшие «Аораи» из стороны в сторону. Капитан Линч, не в силах больше смотреть на вздымающиеся водяные горы, закрыл лицо руками, потом ушел в дом.

– Двадцать восемь и шестьдесят, – негромко сказал он, возвращаясь.

В руке у него был моток толстой веревки. Он нарезал из нее концы по десять футов длиной, один дал Раулю, один оставил себе, а остальные роздал женщинам, посоветовав им лезть на деревья.

С северо-востока потянул легкий ветерок, и, почувствовав на лице его дуновение, Рауль оживился. Он увидел, как «Аораи», выбрав шкоты, двинулась прочь от берега, и пожалел, что остался здесь. Шхуна-то уйдет от беды, а вот остров... Волна перехлестнула через атолл, чуть не сбив его с ног, и он присмотрел себе дерево, потом, вспомнив про барометр, побежал в дом и в дверях столкнулся с капитаном Линчем.

– Двадцать восемь и двадцать, – сказал старик. – Ох и заварится тут чертова каша!.. Это что такое?

Воздух наполнился стремительным движением. Дом дрогнул и закачался, и они услышали мощный гул. В окнах задребезжали стекла. Одно окно разбилось, и в комнату ворвался порыв ветра такой силы, что они едва устояли на ногах. Дверь с треском захлопнулась, расщепив щеколду. Осколки белой дверной ручки посыпались на пол. Стены комнаты вздулись, как воздушный шар, в который слишком быстро накачали газ. Потом послышался новый шум, похожий на ружейную стрельбу, – это гребень волны разбился о стену дома. Капитан Линч посмотрел на часы. Было четыре пополудни. Он надел синюю суконную куртку, снял со стены барометр и засунул в глубокий карман. Новая волна с глухим стуком ударилась в дом, и легкая постройка повернулась на фундаменте и осела, накренившись под углом в десять градусов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Острова Паумоту (Туамоту) – архипелаг в Тихом океане в Полинезии, которая вместе с Микронезией, Меланезией и Новой Зеландией составляет Океанию. В ее пределах разворачивается действие «Рассказов южных морей». В начале XX в., когда Лондон бывал на архипелагах Океании, эти группы островов входили в сферы влияния Великобритании, США, Франции, Нидерландов, Японии, Германии. Некоторые из них принадлежали Чили. Ведя борьбу за Океанию, империалистические державы осуществляли вместе с тем политику порабощения и эксплуатации народностей Океании, жестоко подавляя их попытки добиться независимости. Лондон близко познакомился с трагедией Океании во время путешествия на «Снарке». – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhek-london/strashnye-solomonovy-ostrova>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)